

Стереть зиму с городского лица

12+

ПЕРЕПИШИ 2020

МеРи Назари

МОСКВА

МеРи Назари

Стереть зиму с городского лица

«Автор»

2020

Назари М.

Стереть зиму с городского лица / М. Назари — «Автор», 2020

Внезапно наступила безвременная зима. Морозная, нескончаемая и страшная, она продолжалась бы до сих пор, когда б не дети и их игрушки, первые заметившие природную аномалию. Подчиняясь каменной клике, захватившей Город по воле архитектора Олимпия, каменные "дино" увозят детей на растерзание зубастым четырехкрылкам. Кривые "отражения" остаются в семьях взамен настоящих детей. Занятые на работе взрослые, ничего не подозревают. Зло в небе, на земле и под землёй торжествовало... Дети, не желающие быть балластом, "волшебная" кукла и продавщица игрушек встают лицом к лицу против монстров, ночами оживающих на детских площадках. Хотя силы не равны, "мелкие" бойцы не теряют присутствия духа. Взрослые наконец всё понимают и присоединяются к "отважной четверке". Беда превращается в победу, и весна вступает в свои права.

© Назари М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Четверка отважных сердец	5
Девочка-Индиго	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Главный фокус в коровьем стойле	11
Про серые мозги, белую розу и голубиное перышко	14
Капитан Витте и Кешка-ерундит	17
А в это время в Городе...	17
Кораблекрушение	19
Глава 7	21
Кукла Диди	24
Глава 8	24
Прекрасное и ужасное в одном флаконе	26
Черная метка	34
История Лилии. В разлуке с Диди	38
Серебристая лилия	38
Гуд бай май лав	43
Переход	44
Ошибка богини Калипсо	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

МеРи Назари

Стереть зиму с городского лица

"Смех- это солнце: оно прогоняет зиму с человеческого лица"
Виктор Гюго

Четверка отважных сердец

Девочка-Индиго

Глава 1

Золотой дождь

Няня беспокойно переставила банку с вареньем с места на место. Пробормотала:

– Детей необходимо лишать сладкого.

Затем смахнула несуществующую пыль с окна мансарды. Толкнула створки и выглянула наружу.

Ничто не нарушало покоя залитого солнцем двора. Там не было ни души, но тишина была гнетущей.

Ирина Львовна навела бинокль на кромку елового леса, в замешательстве прошептала: «Киндеры!» – и без чувств упала на канапе...

...Девочка по имени Лика в бирюзовых шортиках и в футболке с незатейливой вышивкой на груди, шла вдоль брошенного сада. Она колошматила палкой по редким дощечкам изгороди и под веселую мелодию напевала песенку, которая только что сочинилась у нее в голове.

*– «Просто быть добрячкой —
Убегай да прячься.
Наслаждайся жизнью – все дела...
Если же ты злая –
Рук не покладая,
Будь добра, работай!
Чтоб всем хватило зла!»*

– Вер-рно, – донеслось из кустов. – Вс-сё вер-рно. Вс-сё вс-с-сё.

Раскаты и свист незнакомого голоса напугали Лику больше самой фразы.

Что это?!

–Глом проглемел? Фетел плосфистел?

Лика, хоть и была большой и скоро в школу пойдет, но все же забывала в минуты волнения все звуки произносить правильно. Особенно, когда восхищалась чем-то или чего-то боялась. А сейчас было всё вместе.

Она взглянула вверх. Облака вихрились, как пенки в кипящем варенье...только серые и невкусные.

Но детей «не загоняют», и няни не слышно. А уж Ирина Львовна в курсе всего – даже дождичка в четверг.

Лике страшно стало. Но не за себя. Она переживала за родителей. Ей-то что: она с няней, а вот родители —одни. Ее любимые «папочки-мамочки» в полном одиночестве уехали в Город за продуктами, в то время как в небе уже начинали собираться темные тучи.

Чтобы заглушить тревогу, Лика с самого утра играла с друзьями. Игра в «Бастинду» отвлекала больше всего. Больше, чем в прятки или вышибалы. И даже больше, чем в «Цыпленок жареный», когда приходилось дергаться, будто тебя поджаривают на чугунной сковородке.

С ближайшей кучи песка невидимая рука ветра собрала верхний слой и швырнула Лике в лицо.

Глаза зашекетало так, словно наелась конфет с фундуком.

«Нет, не Бастинда это хулиганит, —подумала Лика. – А кое-кто похуже».

Но неужели есть что-то и позлее этой колдуньи? И почему взрослые не зовут домой?

Здесь, на даче, есть дурная привычка: чуть что – детей «загонять». Как телят.

На это никто не обижается. Кому охота идти в «стойло», когда игра в разгаре?!

Но именно сейчас Лике не хуже любого теленка захотелось оказаться вблизи папы и мамы. Особенно – папы! И это непростое совпадение!

Снова какой-то звук из-за куста чертополоха... Девочка прислушалась и на всякий пожарный сказала:

– Игорек! Я вижу тебя, Летучий Обезьян!

Лика притворялась. Никого-то она не видела.

– Может, мне кажется? – подумала она и прошептала самое страшное признание в мире: – Наверно вот что: я просто трусиха...

Тут уж глаза и вовсе заслезились «на всю улицу».

Лика зажмурилась, замигала, бросилась прочь. Выскочила на пригорок, растирая лицо ладонями и потом еще долго металась.

И всё время слышался странный звук. Как будто кто-то еще не выбрал, то ли ему смеяться, то ли рычать, то ли стонать как от боли. И это страшнее всего.

Лика взяла себя в руки. Точнее, не всю себя, а только голову. Так что уши оказались закрыты ладошками. Мысли снова стали разумными.

Конечно, это был Пуш. Сбежал из дому и теперь всех пугает, особенно ее, Лику. Он ведь ничего толком не умеет. Даже мяукать по-человечески только вчера научился. А до того все «пи» да «пи», словно мышка. Он и есть с мышку. Если бы ему попалась взрослая мышь, то они долго б думали, кто кого есть будет.

–Брысь! Здесь опасно! Много страшных мышек! – на всякий случай крикнула Лика и уставилась на подозрительный лопух, листья которого шевельнулись.

Они тут же застыли как-то неестественно. И котенок не отозвался.

Да вот заброшенный сад. Конечно, он здесь спрятался. Лика отогнула доску в заборе. Процарапав ногу о гвоздик, пролезла внутрь огороженной делянки и застряла в колючках.

– Ай-ай!

Прикрыв лицо руками, она бросилась, не глядя, вперед, лишь бы только миновать заросли крапивы. Открыла глаза –и оказалась на прогалине, со всех сторон окруженной ябло- нями.

Она впилась зубками в самое подрумяненное яблоко и сморщилась.

– Они кислые, зубки испортишь! Оскомину набьешь! – крикнула она невидимому Пушу, подражая строгой Ирине Львовне. Взглянула вверх – и между яблоками увидела то, что заста- вило медленно опуститься на траву и два раза ущипнуть себе коленку.

– Ой-ой! Больно-то как!

Раз больно, значит не сон. Вскочив, Лика выбежала на аллею и, приложив ладошку к глазам, уставилась в небо над лесом. Нет, она не ошиблась: из показавшейся из-за леса тучи, как из дырявого лукошка...сыпались киндер-сюрпризы!..

Не узнать их было невозможно. Тем более девочке, обож-жающей шоколад!

Ли́ка, не помня себя и забыв про дырку в заборе, перелезла обратно, завернула за угол – и застыла... Ей открылась необыкновенная картина: восхитительные шоколадные яйца в золотистой фольге «засеяли» собой всю опушку леса! Туча шла на деревню, и киндеры падали густыми рядами все ближе и ближе. И им невдомек было, что такого никогда и нигде не бывает.

Золотой дождь! Золотой ливень! Золотой водопад!..

От привалившего счастья по коже побежали мурашки, не оставляя свободного места. Кто же не мечтает о такой пропасти... ну, просто о бездне «киндеров»? Разве что только взрослые!..

Широко раскрыв руки, Ли́ка ринулась навстречу сказке...

Она уже чувствовала на своих плечах пружинистые подскоки шариков. Она слышала хруст лопающейся фольги. Видела обнаженную закругленную коричневую скорлупку. Ощущала аромат белой глазури на расстоянии вытянутого языка.

А вот и непревзойденная пластмассовая коробочка. Конечно же, самого волшебного цвета! Оранжевая или янтарная... Изумрудная или... пунцовая. Сто-стоп-стоп! А такие цвета хоть бывают?..

И вот открываешь, а там... – сюрприз!

Феликолепный! Любимый! Самый очаловательный в миле!..

...И вдруг все исчезло.

Исчезла с глаз долой не только золотая лавина киндеров, но и вспаханное поле вместе с зубчатой каймой елового леса. Это Ли́ка забыла про ров, полный крапивы, отделяющий поле от деревни и теперь катилась по его склону вниз...

– Пуш! Пуш!– причитала она, но уже не для того, чтобы спасти котенка, а совсем даже наоборот!..

Пуш не пришел на помощь. И, обдирая последнюю кожу с коленок, Ли́ке пришлось лезть по склону вверх. Когда она выпрямилась, то поняла, что торопилась зря. Наверху произошло чудо-наоборот: самое страшное, что можно только себе вообразить – туча с киндерами испарилась.

Ничего нет... даже горизонта...ничего. С неба, загораживая собой поле и лес, опускается... темно-зеленый занавес.

Спектакль «Кинделы» кончился!

Киндеры всегда кончаются... Ах!.. Взрослые считают их бесполезными! И покупают так редко... Но хуже нет, когда они восклицают, как няня: «О, дети! Их необходимо лишать сладкого».

Ли́ка напрягла «плекласное зление» и увидела, что занавес, как тростниковый забор, состоит из узловатых стеблей, сплошной стеной уходящих вверх.

Может, это баобаб, из которого делают удочки?

– Пикапу-трикапу! – услышала Ли́ка торжествующий голосок. – Я тебя застучала, сонный Самурай, теперь ты Бастинда!

Галка захохотала так, что Ли́ке заложило уши.

– Не сонный... – Ли́ка помотала оглушенной головой, потеряла глаза. – Не Бастинда! Я не спала! Я смелый и отважный... просто... просто глаза... нет-нет, я не сонный вовсе...отважный Самурай!

Это Пуш! Ну, конечно же, котенок! Из-за него она забралась в злосчастные заросли. Тогда все и началось.

Еще чуть и Ли́ка заплачет. «Куда катится мир?» – сказала бы няня.

– Так не считается! – крикнула Ли́ка.

– Три, два, один... – Галка считала прыжки на одной ножке. – Пу-уск!

Всё. Она успела до копны сена раньше.

Значит, теперь Лике быть Бастиндой.

Ну и что.

Все равно Самураем долго быть невозможно. Зло быстро кончается. А когда не с чем бороться, начинаешь отвлекаться.

Лику засмотрелась на дождь из вкусненьких шариков, а тут все и произошло. Но правила есть правила. Лику произнесла грубым, словно замороженным, голосом:

– Бамбара, чуфара, лорики, ёрики... – не выдержала и вздохнула: – Ах, как трудно быть злой...

Любой, кто насылал стаю желтозубых волков для отравления колодцев, подтвердит, что это — самое нудное занятие в мире.

Но зато потом тебя ждет уровень Летучей Обезьяны! А после – ты снова становишься Самураем! Потом девочкой Элли.

Роли меняются. Как это весело. Главное не заплакать. Чтобы злодеяниям не помешать.

– Йорики, скорики, мухоморики! — сказала Лику, растягивая непослушные губы в улыбку. – Явитесь, летучие обезьяны!

Вот дела, вот дела...

Скоро будет всем беда.

— Да-да-да! — раздалось так близко, что Лику опять вздрогнула. Но она так привыкла к сегодняшним голосам, что уже ничему не удивилась.

– Пошлю летучую обезьяну к просеке. Пусть «путниками» на этот раз будут гуси, – подумала она вслух. – Пускай погоняются за Галинкой с вытянутыми шеями. Хи-хи!

Лику зажала рот рукой – надо быть злой.

Но смех вылезал наружу из всех щёлок между зубами. И совсем не зловещий. Он надувал щеки, растопыривал губы – как ни сжимай, не помогало... Тогда Лику изо всех сил сдвинула брови. Лоб заболел, но думать о плохом стало гораздо легче, и смех изменился.

– Хо-хо-хо! – от собственного смеха – мурашки по коже... — Ой-ой-ой!

Лику вдруг осознает, что летит куда-то. Причем, отнюдь не в самом удобном положении: руки-ноги стянуты веревкой и расположились по швам, как у оловянного солдатика.

Голову занесло в сторону, скривило шею и почти отделило от тела. Оттого весь мир растянулся в ухмылку во весь горизонт – на всю улицу...

... Вместе с ужасными кривыми зубами и черными усами над ними.

Глава 2

Дурмалей Спартак Никодимович

Описав дугу в воздухе, Лику завертелась волчком, как в центрифуге луна-парка.

Как по мановению волшебной палочки, кручение остановилось, и сразу стало спокойней. Но ненадолго. Голова девочки оказалось вровень с лицом, на котором застыло не совсем приятное выражение.

По усам и тельняшке Лику мгновенно узнала его владельца: «Это же разбойник Бармалей!»

Она вспомнила старую книжку с обтрепанной обложкой... Страницы волнистые, как будто она плавала в море... наверное, многие плакали, читая ее...

Но иллюстрации — глаз не оторвешь! Страшные! И Лику слишком большая, чтобы верить всяким глупостям! Что же теперь делать? Плакать? Нет, это не о ней! Поэтому Лику твердо, но вежливо, сказала:

– Извините, пожалуйста. Я знаю, кто вы. Вы Балмалей. Но вас не бывает.

– Что-о?! – услышала она раскат грома. – Прошу прекратить называть меня Бармалеем. Я Дурмалей. Это моя официальная фамилия. Дурмалей-Безуглый Спартак Никодимович.

Выслушав это сообщение, Лика рассмеялась. Она сама не знала, почему. Скорее всего, от нервного напряжения.

– Так не бывает! – повторяла она сквозь слезы, которые иногда сопровождают смех.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним! – рыкнул разбойник.

А поскольку это произошло не с волнистой страницы, а прямо над ухом, то Лика почувствовала, как немножко задрожала. Возможно, это задрожала натянутая веревка, на которой Лика висела.

Но... разве можно вынырнуть из книжки, даже такой волнистой, как поверхность озера?

Поэтому Лика строго, совсем, как Ирина Львовна, сложила губки и сказала:

– Я вам не верю. Встречайтесь, пожалуйста, с другими... Куда катится мир...

– Отвечай, – приказал разбойник, недослушав, – где здесь водится крупный рогатый скот?

– С-ко-о-т... – задумчиво повторила Лика незнакомое слово. Ей вдруг показалось, что это «грубое выражение». Очень грубое. Кроме того, с ней не поздоровались, а как после этого продолжать беседу?

– Сибирский валенок, где здесь коровы, спрашиваю? – повторил грубиян.

Посещая с мамой фитнес-клуб, Лика привыкла висеть на канатах вниз головой... но беседовать — это уж слишком. «Во всех случаях, даже если мир катится в бездну, – учила няня, – воспитанные дети обязаны вести себя прилично». Лика вдруг поняла, как следует отвечать.

– Если вы говорите про обувь, то мои зимние валеночки в кладовке, а если – про милую коровку Зорьку, то она по утрам любит прогуливаться по берегу в поисках свежей осоки для сладкого молочка... – Несмотря на неудобство положения, Лика старалась быть предельно учтивой.

За усердие Лике не похвалили, напротив, перебили. И всё в той же грубой манере:

– Где ферма, спрашиваю, перепончатый утенок? Отвечай, а то будет хуже!

Хуже того, что уже случилось, трудно было представить. *Поэтому* Лика решила отнестись с максимальной серьезностью к своему ответу.

– Когда хотят получить верный ответ, детям не задают сразу много вопросов, – сказала она. – Это, во-первых. И нужно произносить правильные слова. Это, во-вторых. Надо говорить не «ферма». В городе так не бывает. Надо говорить: «фирма». А в-третьих...

Ветка дерева, на которой она висела, затрещала от сильнейшей встряски.

– Я не спрашиваю тебя, мелюзга, ни о первом, ни о втором, ни о третьем! У-у-у...

Кто знает, сколько б времени еще, давясь злостью, выл Дурмалей, если б Лика не произнесла с гордостью:

– Я не мелюзга! Мне шесть с хвостиком. А вчера после геркулеса мама мне пообещала, что хвостик уже больше половины.

– Я с удовольствием замочил бы вас обеих с вашими хвостиками, – оскалив кривые зубы, проревел разбойник. — Передай это своей драгоценной мамочке и заодно Геркулесу! И, ого-го, готовьтесь к неприятностям. Вы разве не видите, что ваши счастливые деньки плакали горькими слезами?... — разбойник неожиданно осекся и заявил: – Хо-хо! О, если б я имел право рисковать собой, я бы рассказал все, но не откладывал бы и дела в долгий ящик. В общем, скоро очень скоро... Поверьте мне на слово! Вы будете жить там, где только бамбуковые медведи – и змеи, так называемые аспиды, станут вашими единственными соседями!.. Кар-рамба! Дурмалей долго выговаривал ужасные проклятия, и Лика растерялась.

«Аспиды», «Карамба»...

Ее не пугали эти слова. Угроза «замочить» – вот что самое страшное. Когда тебя заталкивают под душ прямо в одежде и замачивают, несмотря на то что у тебя есть много других важных дел... И это за то, что она всего лишь старалась не упустить ни одной мелочи при ответе. Ах, куда катится мир!

Няня тремя этими словами осуждала любой беспорядок. И учила Лику во всех случаях жизни поступать, согласно этикету. В Ликином представлении, это означало быть воспитанной даже тогда, когда весь мир встал на ролики и вот-вот заедет за бордюр.

И Лика ответила Дурмалею с неожиданной легкостью и ясностью в голове, громко и отчетливо, как со сцены на детском утреннике, но забыв от волнения про все трудные и каверзные звуки:

– А если бы у вас были халосые манелы, то вы научились бы пликлявать ладоской свои неловные зубы, когда улыбаетесь!

Свирепое рычание было ей ответом.

Высокая трава, как кулисы, разомкнулась и сомкнулась вслед за грубияном, а Лика осталась болтаться вверх ногами на веревке, как замотанная в кокон гусеница...

Вспомнив зловещую усмешку «на всю улицу», девочка всплакнула. И то обстоятельство, что слезы текли не по щекам, а наоборот – от них, то есть в противоположном направлении, – преодолевая верхние ресницы, через бровки, по лбу, потом по волосам, – лишь усиливало их потоки.

Пока девочка плакала, голове от потерянной жидкости становилось все легче. И когда, казалось, стала совсем пустой, эта голова вдруг вспомнила деревянную куклу, подвешенную к суку за ноги.

Буратино, такой бедненький деревянный мальчик, висел целую ночь по приказу Карабаса-Барабаса!

Лика постепенно успокоилась и подумала: «А ведь, чтобы стать дурмалеями, карабасам-барабасам достаточно взамен бород приклеить усы».

– Вы нарушаете правила! – крикнула Лика вслед Дурмалею. – Вы специально перебегаете из одной книжки в другую, чтобы вас никто не поймал!

Живой кокон задергался от возмущения.

– Скогт некультурный! – с удовольствием выкрикнула Лика и то плохое слово, которое услышала пять минут назад.

Трава зашуршала – и на полянку выскочил белый теленок.

– Му-у, – замычал он, как будто хотел спросить: – «Ты меня звала?»

Лика посмотрела на него с нежностью, но так укориженно, как только это возможно в ее положении.

– Снежочек, ну какой же ты скогтик? Посмотри на себя внимательней – когтей у тебя нет, только нежные рожки пробиваются. Ты теленок. Глупый, неразумный теленочек! И когда ты научишься говорить? «Му» да «му»! Сколько ж можно? Тебя, и вправду, скоро станут называть невоспитанным! А я буду виновата!

Три слезинки многообразием смочили шелковистую шерстку юного, но испытанного, друга.

Тут ветка треснула еще раз, по-видимому, последний. В глазах сначала все закружилось, потом померкло, и Лика упала на спину Зорькиного сына...

Глава

3

Главный фокус в коровьем стойле

Наконец Ирина Львовна пришла в себя. Забравшись с ногами на канapé, даже забыв скинуть с ног домашние тапочки, она снова посмотрела в бинокль.

Старательно отводя взгляд от елового леса, чтобы не травмировать свою нервную систему, она увидела бредущего по проселочной дороге Снежка с лежащим поперек спины ребенком. В малышке она узнала Лику.

По сотовой связи Ирина Львовна связалась с родителями.

Папу Лики звали Иваном, а маму – Татьяной. Они были всю жизнь вместе – с младшей группы детского сада. Никогда не расставались и во взрослом состоянии. Учились в одном институте. Работали на одной работе. Поэтому для удобства их все звали: Таня-Ваня. Не только в садике, но и во взрослом состоянии.

А дочка, находясь в детском состоянии, величала их просто: «папочки-мамочки».

От волнения, подражая Лике, няня все перепутала и закричала в телефон:

– Мамочка и папочка! Лика! Золотой ливень! Деревня... в окружении!

– Что-то я не пойму, – сказал Ваня с другого конца связи. – Вам кого, Ирина Львовна? Лиду или... Золотого Ливня из племени Чингачгук? Огласите весь список, пожалуйста. Понимаю, вы там в индейцев заигрались...

– ...знаете, это туча! – продолжала все в том же духе няня. – Она кружилась и закружила всю деревню... вернее, засыпала околицу золотым градом...

– Околицу?.. – недоуменно переспросил Иван, услышав старинное слово. На другом конце связи, не слушая его, продолжали:

– Нет-нет, кажется... это все же... киндер-сюрпризы...

– Киндер-сюрпризы?! – все более удивлялся Иван. Он нахмурился, хотя не считал новояз серьезным просчетом в педагогике.

– Их на западе придумали... хотя, надеюсь, это просто галлюцинация... хотя я у себя никогда «глюков» не наблюдала... – вещали с мансарды.

– Хм... «глюки»? – Ваня посмотрел в сторону заходящего солнца и прикрыл телефонную трубку рукой, будто боялся, что оттуда выскочат озорные видения и испортят пейзаж. Он повернулся к жене. — Ты не огорчайся, дорогая. Кажется, наша Ирина Львовна понемножку сходит с ума...

Таня выхватила телефон из рук мужа.

– Успокойтесь, Ирина Львовна! Да что вы в самом деле? Что с дочкой?

Увы, из сообщения няни и она не поняла ни слова.

– Надо ехать! – отрывисто сказала Таня Ване.

– По коням! – скомандовал Ваня Тане.

К счастью, они были уже не далеко от дачного поселка. А когда на горизонте показался Снежок с Ликой, все стало на свои места.

Няня подкатила на дамском велосипеде.

Трое взрослых обступили заплаканную Лиду, лаская, утешая и наперебой выясняя, что случилось.

Встав на землю, Лика сначала молча обнимала ноги родителей и испуганно озиралась. Боялась, что Дурмалюга объявится рядом и перережет разбойничьим ножом их нежные шейки. Но когда в няниной сумке мяукнул Пуш, девочка уже не смогла сдерживаться. Рыдая и целуя любимца, она рассказала все как есть.

Ее напоили медом и уложили спать.

...

Утром Лика первым делом спросила родителей, чем закончилось вчерашнее происшествие.

Мама без лишних слов подвела ее к дощатому загону, где ночами отдыхала Зорька, возвращаясь с пастбища со Снежком.

– Сейчас теплые ночи, и Зорька с сыном осталась ночевать на лугу, а разбойника поместили в ее стойле до прибытия полиции, – объяснила мама.

В углу Зорькиного жилища зашевелилась куча сена. Лика вскрикнула и, разглядев Дурмалея, отскочила.

Мать усмехнулась, прижимая дочку к себе:

– Он попал туда, куда шел, только теперь со связанными руками и ногами, – сказала она. – Мы отобрали у него яд, которым он хотел отравить здешних коров. – Когда мы его брали в плен, – продолжила мама, смеясь, – этот потешный диверсант нам сказал: «Теперь вы окружены. Вы окружены новым лесом. Правильным». А папа засмеялся и сказал: «А ты окружён нами —и это похуже, уверяю тебя!» – и разбойнику ничего не оставалось, кроме как сдаться нам. А наш лес, как ни странно, как будто и, в самом деле, придвинулся к деревне... представляешь, доча, будто у него не стволы, а коле...

Мама не успела закончить, как узник скорчил страшную гримасу, засучил ногами и замычал не хуже Зорьки. Глаза у него выпучились, налились кровью и чуть не лопнули.

Лика спряталась за огромный хозяйственный фартук, висевший на маме. Вообще-то фартук был нормальный. Но по размеру как раз для всей папочки-мамочки. Поэтому туда могли влезть трое – при желании. Мама называла его «грандиозным».

– Не бойся этого хулигана, – успокоила она дочку, вытаскивая ту из фартука. —Он теперь не сможет делать гадостей. Полиция на полпути сюда.

– Папочки-мамочки! Как же так! – возмущенно сказала Лика, не спеша на свободу. – Вы мне обещали, что бал... то есть, дулмалеев не бывает! Как это называется?!

Она опять разволновалась и, разумеется, уроки с логопедом тут же вылетели в трубу.

Дурмалея явно не устраивало обещание Ликиной мамы. Он с такой силой дрыгнул ногой, стремясь опрокинуть кормушку, разломать дверцу и стенки стойла, что трудно можно было усомниться в опасности Зорькиного поселенца. В придачу он свистнул носом. Удобнее, конечно, свистеть ртом, но рот был завязан. А в положение диверсанта никто входить не желал.

– Уймись, бузотер, – укорила хозяйка, – тебе не испугать моей смелой дочери. Ты получил по заслугам.

Оба хулиганских глаза при маминых словах страшно искосились в одну сторону. Набравшись храбрости, Лика посмотрела в том же направлении и тут... заметила что-то блестящее среди сухой люцерны, припасенной коровам. А когда мама пошла в угол за граблями, чтобы убрать разметававшееся сено с прохода, загадочный блестящий предмет, как специально, подкатился к Ликиным ногам. Конечно же, им оказался киндер-сюрприз!

Шоколадное яйцо в золотистой упаковке теперь спокойно лежало на ее ладони.

У Лики потекли слюнки от близости лакомства с неповторимо волшебным вкусом.

Все хорошо на даче, но вот шоколада тут меньше, чем в городских магазинах! Родители дают детям конфеты только по праздникам. А этого совсем не достаточно для маленького ребенка!

Лика опустила руку с «киндером» в карман сарафанчика, чтобы, не смущая маму, разобратся, что делать с находкой. Мысль ее напряженно заработала.

Если показать находку маме, то та отберет «киндер» без разговоров, сказав, что только дикари кусочничают между приемами пищи. Она спрячет киндер до чьего-нибудь дня рождения, чтобы съесть лакомство с пользой для души и тела.

А ведь дни рождения бывают не часто ...

– «К сожаленью, день рожденья...», — пропела Лика, чтобы подтвердить свои сомнения.

Мама и не подозревала о буре в душе сладены. Поэтому, услышав знакомый мотив, подхватила:

– ... только раз в году!

«Я права, – подумала Лика, еще крепче сжав «киндер».– Большим хорошо. Им не надо ни у кого спрашивать разрешения съесть что-нибудь бесполезное».

Взрослые твердят, что дети растут быстро. Трудно в это поверить, вон детство какое длинное! Ждешь-ждешь – и все без толку... Но большие не могут обманывать, потому что за такую невыносимо длинную жизнь они узнали очень много чего. А если знаешь, то за зачем тогда обманывать? Смысла нет.

Додумать эту мысль до конца Лике помешала следующая. Совершенно ужасная мысль: «А ведь киндер за длинную Ликину жизнь может потеряться! Или просто-напросто испортиться!!!

В тепле он тает.

И тогда... Лике никогда не стать счастливой! Напрасны ее мечты на всю улицу...

Ни-ког-да... – такое страшное слово, что аж мурашки по спине разбегаются.

Как же мир устроен несправедливо! Вот школьникам по многу лет – значит, им можно много сладкого. А они, не понимая своего счастья, часто плачут по пустякам. Да-да! Лика видела собственными глазами, проходя мимо спортивной площадки: в воротах плакал большой мальчик. А вокруг кричали: «Гол, гол!..»

Подумаешь, «гол»! Зато вечером мальчишка сможет объесться шоколадом!!! И не голым он был вовсе, а в шортах, в красной футболке и полосатых гольфах.

Ах, если б она стала такой большой, как он! О, она не стала б расходовать время попусту! Накупила б сладостей всех сортов – и ела, ела, ела!

Когда же она станет школьницей, хотелось бы знать?

– Мама, а когда я пойду в школу? – спросила Лика.

– Годика через полтора.

– А полтора – это больше миллиона?

– Нет.

– Тогда полтора – это больше чего?

– Больше одного.

– Только?

– Только.

– Значит, это меньше двух! – обрадовалась Лика.

Она поднесла к глазам свободную ладошку и, оттопырив два пальчика, внимательно рассмотрела. Загнула мизинчик и спросила:

– Мама, а можно половина будет мизинчиком?

– Можно, кроха моя!

Хм... «кроха». Ну, вот опять она за свое. И «кроху» «киндеру» придется ждать так долго, что у нее появятся собственные малыши... Да! Но взрослеть она будет не так скоро, как хотелось бы! И за это время может случиться самое страшное: она разлюбит шоколад! Совсем... как мама...

Ребенок превращается во взрослого, и все становится наоборот... Происходит самое главное! Повзрослевший ребенок забывает вкус шоколада!

Лика потеряла дар речи и застыла, как в игре «замиралы».

Только что она совершила важное открытие.

Вот, оказывается, в чем главный фокус жизни! Она не сможет на глазах своих детей съесть долгожданный «киндер»! А отвернется с равнодушным видом, как это делает мама. И она честно признается своим детям, что давно разлюбила сладкое и полюбила другое. А другое – ясно что – грабли!

Здравый смысл и весь жизненный опыт подсказывали Лике, что нельзя оставлять на самотек такие важные события, как необычная находка в необычном месте.

Девочка запихнула «киндер» в самый дальний угол своего карманчика и облегченно подняла глаза.

И тут она увидела, что ей кто-то подмигивает...

Из темного угла Зорькиного стойла Лику сверлили два глаза.

За тяжкими раздумьями она совсем забыла о Дурмалее!

Глава

4

Про серые мозги, белую розу и голубиное перышко

Итак, Дурмалей подмигнул, а Ликина рука, дрогнув, застыла на пути из кармана.

Он все знал про «киндер»! Но при этом не наябедничал маме. И, главное, не собирался!

Ликина душа металась. Дурмалей весел, значит, ему не завидно.

Может, он просто не любит шоколад, как большинство взрослых? Это доказывает, что Ликины размышления правильны...

И это здорово! – внезапно подумала она. Дурмалей теперь казался Лике добрым и милым. Оказывается, даже в разбойниках бывает что-то привлекательное.

– Мама, – решила уточнить Лика, – а дурмалеи навсегда остаются дурмалеями, или они могут работать на других работах?

Мама застыла с граблями на весу и недоуменно поглядела на дочку. Она не сразу поняла вопрос. Но потом догадалась.

– Ты хочешь знать, станет ли наш Дурмалей когда-нибудь добрым?

Лика кивнула. И мама, подумав, сказала:

– Думаю, что если его перевоспитать, то он сможет стать более-менее хорошим.

Лика тоже чуть подумала.

– Я все поняла, мамочка. Когда человек еще Дурмалей, то он менее-более, а потом наоборот.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивилась мать, и грабли вновь зависли, как в компьютерной игре. – Поясни, детка, а то опять я ни бе, ни ме.

Мама всегда так говорила, когда что-то не понимала от слова «совсем».

– Ни бе, ни ме... – огорченно повторила Лика.

Ну как после этого всерьез относиться к большим? Только решишь, что тебя понимают – и вот, здрассте!

Пришлось, как обычно, объяснять маме.

– Ну вот, если Дурмалей еще злой – то это менее добрый, понимаешь? А когда он станет добрее, то он уже более! Вот тогда про него и говорят, что он стал более-менее. Теперь понятно?

– М-м-м... Ну что ты будешь делать: какая я глупая! Или это ты говоришь невразумительно.

С этими словами мама вновь принялась за работу.

Всё.

Всё насмарку. И как тут без слез обойтись?

Из чего только сделаны взрослые, чтобы не понимать таких простых вещей!

Лика недовольно шаркнула ножкой.

«А вот не зря Галинка всем дядям и тетям в журнале усы рисует», – подумалось вдруг, и злая улыбка искривила Ликины губы.

Но тут же что-то царапнуло сердце.

– Об этом я никому рассказывать не буду. Даже маме, – прошептала девочка. Она оглянулась. Мама орудовала в самом конце помещения и, конечно, ничего не слышала. Девочка зашептала еще тише —одними губами.

– ...а Борька плюется... – прорвалось из шепота в полный голос.

Лица закрыла ладошкой рот и оглянулась: ее по-прежнему никто не слышал.

Настроение стремительно поднималось.

Наконец оно вернулось на прежний уровень, и Лица перешла с шепота на нормальный голос.

– ...А Зинка обижается, когда ее называют корзинкой, – шалунья хихикнула. – Вот глупышка! Не в самом же деле, она корзина! Она же не фея, чтобы превращаться! И она не в цирке. Это понарошку. Как же тут обижаться? А Кузя говорит, что у всех взрослых в голове – *СЕРОЕ ВЕЩЕСТВО!*.. Как он мог такое подумать?!

Не замечая, что, заметая пол метлой, мама подошла ближе, Лица говорила все громче:

– Неужели *СЕРЫМ* или черным каким-нибудь *ВЕЩЕСТВОМ* можно подумать хорошую мысль?! Вот дуракеша...

– Извини, я не права, – сказала вдруг мама. Она присела на корточки и поцеловала дочку в щечку.

– А Кузя прав? – спросила Лица, целуя в ответ маму, уже совершенно забыв про обиду.

– Кузя?! Ну, как же, как же...конечно... а как иначе...конечно, прав.

– Что?! Он говорит, что у взрослых *СЕРЫЕ МОЗГИ*

Она посмотрела на маму. Мама, оказывается, опять ее не слушала, а кому тогда Лица все это рассказывала?..

– Нет уж, извини, тут он не прав, – поспешила исправиться мама, прочтя в глазах дочери разочарование.

– Так он все равно говорит! Вчера нам так и бабахнул, что люди думают серыми вещами! А мы ведь тоже люди, мама? И вот «фикус», например, разве хорошее слово?.. Его-то можно придумать и серым веществом. Но красивые слова – нет!

Лику прорвало. Вопросов подступило страшное множество. Дождаться ответов не оставалось никакой возможности – и пришлось перебивать саму себя. Впрочем, и это уже не помогло.

– А знаешь, мама, если бы мы жили в волшебной стране, то девочки были б чудесками, а мальчики – чудесами...Правда ведь? Потому что волшебство – значит чудо. Чудо—это папа, а чудеса и чудески —мамы и дети. А солнце—это для Земли пра-, пра-, пра-, пра-...

– Прадед.

– Подожди, мама, я еще не закончила... пра-, пра-, пра-... А Кузя говорит, что он первоклассный мальчик, потому что в первом классе учится...А Слава сказал, что это бред, и что Кузя просто хвастун. Правда? Прости, мама, я сказала нехорошее слово!

– Какое же?

– Блед.

Вместо ответа мама обняла Лику, вывела из коровьего дома и закружила вокруг себя. Потом они, смеясь, упали в траву. А цветы долго удивлялись и недоверчиво качали головками.

Мама сорвала мятлик.

– Давай полежим здесь, посмотрим в небо и пожуюем травинку.

– Правильно, как Зорька! Давай, ты Зорька, а я Снежок. Мама, а вон близко облако с загогулинами...

– Какое облако?

– Вон то. На него как раз темное наплывает...видишь? Как у меня на знаке, который ты вышила собственными руками...

– Какой знак? Я ничего не вижу.

– Ну, оберег у меня футболке...Помнишь, ты говорила, что пока вышивала, семь раз укололась.

– Ах, оберег...Твоя правда – целых семь раз. Со мной такого отродясь не бывало. А завитки на вышивке означают белую розу. Что ни завиток – то лепесток.

– Лепестки в небе я вижу хорошо. А что серое? Не мозги же?

– Перышко голубиное. Сизое. Из-за этих перышек голубей называют «сизарями». А белая роза – символ большой любви.

– Какой? – большой? – на всю улицу?

– Да. Но прошу тебя, не разглагольствуй больше. Давай просто послушаем тишину. Нам скоро возвращаться в Город...

– Ха-ла-со, только... – Лика приподнялась на локте. – Мама, а можно детям говорить «не лазглагольствуй»?..

Лика больше не интересовалась судьбой Дурмалея. А все оттого, что, проходя мимо папочки-мамочкиной комнаты вечером, услышала следующий разговор.

–Кто ж знал, что он такой прощельга! Притворился, что нога болит и потребовал врача. Я глянул: нога синяя. Я ж не специалист по окраске тканей медным купоросом. А доктор Горгонов сказал, что еще немного, и начнется гангрена. Я созвонился с полицией, согласовал. Дал адрес клиники. Когда они ехали с ним в участок, этот колобок и от полицейских ушел...А теперь вот нас вызывают для дачи показаний.

– Боюсь, мы сюда не вернемся, – раздался мамочкин голос. – Да и как оставаться? Каждый день трястись за Лику, что она опять встретится с этим отморозком? Глупо как-то.

–Ты права. И знаешь, что меня еще напрягает?

–Ну?

–То, что с его появлением, с природой стало твориться что-то странное.

–Ты имеешь в виду бамбуковый лес?

–Ну, бамбуковый не бамбуковый, а выросло что-то и очень быстро. Местный агроном сказал, что такой быстро растущей разновидности сорняка нет в определителе растений. Вообще. Его нет во всем мире. Даже в Красной книге. Рост его биомассы уникален. А крупный рогатый скот от нее отворачивается. Мне от того тревожно на душе.

–А эти рассказы Ирины Львовны о золотом ливне... не следует проживать в месте, где няни сходят с ума.

– Тем более при особенности нашей дочери.

–Я не считаю, что Лика —особенный ребенок. Посмотри интернет. Там пишут, что случаи рождения детей-Индиго участились, и это нормально для изменения климата.

–Все равно, мы должны быть бдительны. А встреча с Дурмалеем просто обнулила все наши потуги последнего года вырастить обычного среднестатистического ребенка.

– Согласна. При разговоре с ней в Зорькином домике у меня в голове был просто брейншторм какой-то. Особенно эти ее разглагольствования насчет *СЕРЫХ МОЗГОВ*...

–Значит, решено. Завтра возвращаемся в Город. Предупреди Ирину Львовну, пожалуйста.

Капитан Витте и Кешка-ерундит

Глава

5

А в это время в Городе...

А в это время в Городе, в дверном проеме пахнувшей краской квартиры, стояло два новосела. Дело происходило в новостройке, и соседи по этажу видели друг друга впервые.

– Ты у меня породистый, настоящий каролинский, – говорил высокий мальчик. —Пиратский —сто пудов.

– По бар-р-рабану! – отвечали ему пронзительным голосом, странно выделяя при этом звук «р».

Высокий мальчик погладил себе плечо.

– Не понимают, кого потеряли, – сказал он. – А потом скажут... но мы им не простим!

– Концер-рт... —грустно согласился его собеседник.—Пр-рросто потр-рясно.

Это только так казалось, что беседуют люди. На самом деле, пятиклассник Миша болтал со своим попугаем на пороге Витиной квартиры, а сам Витя, ростом значительно ниже своего долговязого соседа, задирает голову и старался понять услышанное.

Из беседы следовало, что оба: и хозяин, и его питомец-попугай – из местной старой школы. Когда преподаватель географии Лариса Петровна узнала от Мишиных родителей, что у них ожидается новоселье, и их замечательный сын после каникул будет ходить в другую школу, то предложила захватить заодно и школьного попугая, путешествия у которого просто в крови и он ими всех уже на уши поставил.

– Всю школу – на уши? – включился в беседу пассивный слушатель Витя. Он представил себе «уши школы» двумя большими лопухами. – А как на них стоять?

–Уши школы—это уши всех школьников, —пояснил Миша, усмехнувшись.

–Вверх ногами? А как же для ответа руки поднимать? — снова удивился Витя.

Он учился в начальной школе, и про среднюю —понимал отдельными частичками, иногда очень маленькими, похожими на атомы, о которых им рассказывали в первом классе. А сейчас он перешел во второй, но в связи с летними каникулами, занятий еще не было.

– Я с ним одна команда, – ответили ему. – И мы руки никогда не поднимаем. Зачем? Мы учимся для знаний, а не для оценок. И тебе совету.

Голоса Витиных визитёров были одинаковыми: попугаи подражают своим хозяевам, это бывает часто. Кроме того звуки сливались, потому что шли с одного уровня —выше плеч.

Пока Витя водил головой, чтобы разобраться, кто где, один из визитеров сказал:

– Кроме того, у Иннокентия рук нет. – И Витя понял, что говорит Миша: – У Кешки крылья. Я бы тоже руки на крылья поменял, а что такого?

– А я бы тоже, – признался Виктор.

– И правильно. Не всем же рукастыми быть. Но дело не в этом. В кабинете географии Кешина клетка около парты стояла, и мы вместе изучали глобус. Кешка по жизни весь земной шар излазил в ходе трех кругосветных путешествий. И изучил все «белые пятна» на всех картах, даже на космических. Учителям постоянно подсказывал. Без разницы —хоть по русскому, хоть на уроке английского. Они называли его этим...ерундитом. После уроков помогал подтягивать двоечников. Ларису Петровну он называл Калипсой Петровной.

–Калипсой?..

–Это такая богиня из кинчика про пиратов.

Кто же сериал про пиратов не смотрел? Витя замер в благоговейном восторге.

– Я думал, просто случайное сходство, – продолжил Мишка.—Пока не узнал от Кешки, что она в школу раньше на целый час приходит...

Витя спросил, затаив дыхание:

– Ну, так что же?

Миша округлил глаза и крикнул ему в ухо, насколько позволял шепот:

– Ну, так и мы тоже!!!

Мишка оскалил зубы, чтобы стать похожим на капитана Барбоса. Но в глазах Виктора по-прежнему оставался вопрос. Тогда Мишка пояснил:

– Просто Кешка ее выследил, когда географичка втыкала булавки в глобус, отмечая разные места...

Витины глаза распахнулись, а брови поднялись.

– Зачем?

– После этого Кешка забыл все свои слова и стал говорить только одно слово. Я, думаю, что ты понял, что это было за слово. На букву «К», из четырех букв.

– Я не знал, что учителя знают это слово, – покраснев, сказал Витя.

– Знают, еще как знают, – заверил Мишка. – Сейчас проверю, не забыл ли его Кешка.

Он взял попугая в руку и высоко поднял над головой. –Говори , пернатый, самое главное слово.

– Клад, клад! –завопил тот.– Вижу клад!

– Молодчина. Конечно, слово «Клад» – самое главное пиратское слово. Калипсо Петровне не удалось до конца заколдовать пиратского попугая. Теперь понимаешь? – Витя по-прежнему недоуменно моргал глазами. – Знаешь, что всё это означает? Ясно: не догоняешь. Беда с мелкими... Что мы с этого корабля! С «Жемчуга»!

– А-а...

– А то ты не знал! Я воплощенный капитан Барбос. Стопудовый.

Витек сказал, внимательно разглядев Мишино лицо:

– Прыщи такие же...ну, то есть... очень похожи.

Сосед ткнул пальцем себе в крашенный зеленкой шрам на щеке.

– А это видел?

Витя приблизился, чтоб рассмотреть получше, но Мишка отодвинулся поднял указательный палец и сказал:

– При воплощениях бывают неточности, как при любом копировании.

Витя согласился:

– Когда списываешь – и не такое бывает, дураку понятно!»

– Не будь дур-рраком! – заявил попугай, будто услышал.

И Витя поверил в воплощенного капитана Барбоса на все сто...

Тут выяснилось, что Капитан Барбос, а проще —Мишка, уезжает в пригород. До начала учебного года. Почти на целое лето.

– Родители заставляют, —оправдывался он. – Вот велели приютить Кешку. А он к даче не приучен. Неизвестно, что устроит там. Клад начнет искать в парнике. Или курами командовать. Яйценоскость сведет к минимуму. Так что, поручаю Иннокентия, – торжественно сказал Миша соседу. —Бери и наслаждайся. – Он снял попугая с головы и мизинчиком пригладил взъерошенные крылышки. – Кешка – крутой пацанище. Скоро сам убедишься.

– Скелеты сухор-ррылые!—сказал Кешка.—Дез-зертир.

– Не дезертир. Жди меня, и я вернусь., – Мишка двумя руками снял попугая со своей головы и водрузил на Витину, как корону. Оглядел придиричиво и заявил, что Вите до пирата еще пилить и пилить. —Главное, учись хромать, —напутствовал он. – Остальное приложится. – Он извлек из кармана игрушечный автомобиль. —Возьми, пригодится. На нем все

как настоящее. Руль, дверцы, сиденья, даже мотор. Первокласная модель. Бери-бери, капитан Витте, а то передумаю. Потерпишь кораблекрушение, будет на чем вырливать.

– В море?!

– На необитаемом острове.

–А вдруг это необитаемый остров – и вдруг там нет дорог?

–Концер-рт! Потр-рясный кон-цер-р-рт! – заверещал попугай и перелетел с плеча на голову хозяина, полную знаний. —Без филар-рмоний!

–И точно, Витек, давай без филармоний, – сказал капитан Барбос.

И новоиспеченный капитан Витте принял дар.

– Ежели чего, сигнал азбукой Морзе, – было последним напутствием Барбоса. —Один стук —точка, два стука —тире.

Так Витя стал капитаном «Жемчуга» и обладателем превосходного игрушечного джипа.

Ну, конечно, и птичьей клетки. С попугаем.

Глава

6

Кораблекрушение

Витя играл с джипом, а Кеша, уединившись в мамином кабинете, «читал» книги. Попугай без усталости пролистал почти все мамины журналы «Лица бизнеса», складывая «прочитанные» друг на друга. На шкафу пирамида уже достигла потолка. И тут рухнула.

–Полундра! —заорал Кеша. —Бунт на корабле! Туши свет, суши весла!

Книги, падая, зацепили вазу с цветами, стоявшую на подставке. Вытекшая из вазы вода попала в контакт удлинителя. Раздался треск, посыпались искры...

В квартире, точно прислушавшись приказа капитана, погас свет.

Прибежавший Витя ничего не видел в крошечной темноте.

–К-кто б-бунтует? —спросил он, заикаясь.

– Сухор-рылые скелеты, – ответил попугай.

Тут Витю кто-то схватил и принялся покрывать поцелуями.

–Как хорошо, что ты цел! —услышал он, наконец, и понял, что в темноте его обнимает вовсе не скелет, а мама, прибежавшая с кухни.

–Концер-рт, концер-рт! —разорвался Кеша и хлопал крыльями.

После Кешинога концерта Витина мама сказала, что никогда не думала, что название «попугай» говорящее. Она так заужала Иннокентия, что подарила новому члену семьи большое махровое полотенце. Повесив его на Кешину клетку, сказала, что очень хорошо понимает соседей, любит их и с нетерпением ждет возвращения. А полотенце предохраняет нервную систему от разрушения и заикания.

Утром мама ушла на работу, когда капитан «Жемчуга» еще спал. Она поцеловала сына на прощанье и что-то сказала. Что – сын спросонья не разобрал, но согласился. Он хотел, чтобы мама ушла спокойной.

Возможно, Виктор пообещал помыть посуду. Поэтому, окончательно проснувшись, он первым делом поставил чайную посуду в посудомоечную машину и нажал кнопку «Пуск». Потом скрутил журнал «Лица бизнеса» в виде подозрительной трубы. Забрался в перевернутую табуретку, поставленную на другую, и скомандовал «Полный вперед!»

Морская посудина, подняв паруса-шторы, устремилась навстречу штормам. С капитанского мостика —балкона, «морской волк» пристально всматривался в фарватер – линию хода судна.

Провода от укрепленной над квартирой городской веб-камеры служили канатами фок-бом-брамстенги. В нижних кубриках за квадратными иллюминаторами сидели матросы и набирались сил для предстоящих приключений.

Лучи солнца высвечивали на дне моря серый базальт и на нем – пестрые морские камешки, похожие на крыши автомобилей, окруженные желто-зелеными рядами кораллов, смахивающими на газонные кусты белого кизила. Его плодами удобно стрелять из пневматического пистолета —бамбуковой трубочки.

На самом дне лагуны в такт с волнами тумана колебался планктон —совсем, как кроны деревьев.

Среди них просвечивали похожие на детскую площадку развалины затопленной Атлантиды. Флаг-Роджер на мачте шхуны «Копеечка» выныривал непотопляемым поплавком. Корсар «Утконос» крутился на дне воронки. Ужасный кракен пожирал желтую субмарину «Химчистка».

Капитан приоткрыл окно и посмотрел вниз. Что с матросами? Закисло от безделья? Готовы ли сразиться с разъяренным Посейдоном?

Он скомандовал:

– Зона айсбергов! Полный ход!

– Пустой номер-р! Пустой номер-р! – замахал крыльями попугай.

– Отставить истерику, матрос Кеша!

Судно мчалось по волнам как никогда быстро – белые айсберги чередой мелькали за шторами-парусами. Иногда казалось: их глыбы –лишь подушки на балконе – но то был мираж.

– Кур-рс зюйд-вест, сухопутные кр-ррысы! – бесился на жердочке попугай, сотрясая клетку.

Капитан осмотрел машинный отсек. Паровой блок работает исправно. За плечом исправно мигают огоньки холодильника и микроволновой печи. Посудомоечная машина ровно гудит, вода хлещет и пенится, как надо. Славненько... В запасе еще три агрегата. Кран с горячей водой, электрочайник и кашеварка... Парусник превращается в пароход. Если пара много, то чего экономить?..

Далее события стали развиваться стремительно.

Полотенце скользит с содрогавшейся клетки и падает в раковину. Через край льется вода.

–Кал-ллипса-апо-кал-ллипса! – орет попугай.

– Передай флажками сообщение, —командует капитан, – бортовой навигатор барахлит, и лебедка отказывает... Багорщики для расталкивания льдин и гарпунщики —срочно!

Кеша хлопает крыльями и прыгает на жердочке: точка—тире—точка—тире...

– Свистать всех наверх!

Витя зажимает зубами пальцы, сложенные колечком, надувает щеки, совсем как старшие мальчики – но кроме шипения, ничего не получается.

На помощь приходит кашеварка. Так свистит, что матросы из кубриков барабанят пятками по палубе, как стучат в дверь затапливающей подъезд квартиры.

–Сто сорок шпротов в глотку! – командует капитан. – Бросить якорь и двести бочек рома! Вперед! На льдину!

Башня из табуреток рушится – и льдины с грохотом рассыпаются по палубе.

В дверь по-прежнему стучат. Это проснулась вторая смена в дальних кубриках. Что ж вовремя. Сделают зарядку —и вперед на откачку воды в трюмах.

– Пор-ррядок!! – вопит помощник капитана, раскачивая клетку. —Кор-рраблекр-ррушение!

– Разрази меня гром! Шлюпки за борт! Суши вёсла!

Сбылась мечта флибустьера! Настоящее кораблекрушение. Невероятные приключения ожидают пиратов и клады всего света. Ледоруб, главное, не забыть. Всё.

Глава 7 Туземка

Хорошо отдыхать на льдине в форме табуретки!

Морской обед – вяленая рыба. Как прекрасно, зачерпывая пригоршней рыбные чипсы, с чувством исполненного долга хрустеть полным ртом.

Все портит отражение капитана в приоткрытой створке окна: глаза круглые, щеки пухлые... Как можно было уродиться настолько не похожим на пирата?! Мамины подруги в один голос ей твердят: «Симпотный у тебя сынуля. Носик-курносик, щёчки-яблочки!»

Они не знают: красота в море – пустой номер. Круче прыщавого Барбоса может быть только бородавчатый Барбос.

*«Глаза-щелки,
Зубы в хлам,
На щеке зеленка,
Под зеленкой – ирам...»*

Витя показал язык непиратскому отражению и сделал гримасу. Ого! Чуток лучше.

Сомкнул губы и до предела опустил подбородок. Еще круче.

Втянул воздух в себя. На щеках появились вмятины, но... Мамины подруги наверняка придут в восхищение: что за прелесть эти ямочки!..

Позор на глобусе, а не капитан пиратов Витте.

Может, зуб к двери привязать – и дернуть?..

Нет, мама будет против. «Ты все испортил!» – скажет. Будто Витя и не человек вовсе, а образцовое изделие на витрине. Капитан Витте приложил ледоруб плашмя к щеке, чтобы побыстрому, пока мама на работе, отрезать что-нибудь не очень нужное. Примерился к уху — и тут взгляд упал на хлебницу. На ней лежала стопка из медицинских масок. Мама купила на случай сильного смога.

Взял одну – и наискосок перевязал глаз. Покрутился перед раскрытой створкой окна. Вау! Круче не придумаешь!

–Осталось прыгнуть с табуретки и сломать чуть-чуть ногу... Прав я, Кешка?

В ответ молчание. Витя обернулся. Попугай исчез. Да и клетка с холодильника тоже. Морская качка смела ее на пол. Вразнобой покачивались жердочка и приоткрытая дверца...

Витя бросился к окну, чтоб побыстрее захлопнуть, но смекнул, что поздно. Напротив, надо бы раздвинуть его пошире, чтобы попугай, когда придет в себя, быстро нашел родную обитель, то есть квартиру на двадцать пятом ...

Капитан высунулся из иллюминатора и оповестил команду:

– Дезертир-р за бор-ртом!

Но каналы-матросы, сделав зарядку, видимо, снова уснули богатырским сном.

Витя успокоил себя словами Мишки:

–Инокентий—крутой пацан.

И, пусть маленькие, но крылья-то у него есть. Это главное. Ничего страшного, если даже Кешка просто по глупости свалится с двадцать пятого. Падая с этой высоты, любая самая крутая бестолочь успеет вспомнить о крылышках и пустить их в ход.

Кешке ничего не грозит... а вот «Жемчугу»?

Представив, что придется выходить в открытый океан без Кешки-эрудита, капитан поежился. Кто даст ценный совет в критическую минуту? Кто вовремя призывает на помощь подходящих богов и богинь? За один только клич «С-свистать всех наверх!» – отдашь все сокровища мира...

Сейчас Виктор выйдет во двор и найдёт безответственного беглеца. Но...бросить корабль?

Нет, капитан Барбос не одобрил бы это.

И он, капитан Витте, не способен. Выход есть. Пусть *капитан* остается. Он здесь нужнее.

На берег пойдет *матрос*. Надо кому-то подвергать себя опасностям: разведывать местность, обезвреживать капканы, пополнять запасы пресной воды и выкапывать клады...

Это рискованно, и кораблю опасней потерять капитана, чем простого матроса.

Решено. Пусть таким человеком будет матрос Уилл.

В путь берем только самое необходимое.

Джип, подаренный Мишкой. Пусть он помещается в карман, но он умеет ездить по лужам и вспаханым полям – без разницы...

Главное – найти Кешку-ерундита.

...При выходе из подъезда Витю с ног до головы обволок опасный туземный туман, поэтому матрос Уилл двигался медленно и осторожно, не забывая, прихрамывать.

Шаг – и появились лианы с ядовитым кустарником за ними. Еще шаг – очертания впереди стали четче. Сзади – наоборот. Посланец «Жемчуга» шел неспешно, в любую секунду готовый вильнуть в сторону от томагавка, брошенного дикарями.

Город – это опасные каменные джунгли. Того и гляди выскочат дикие скелеты и поволочут на завтрак в могилу.

«Не дрейфь, матрос Уильям!» – прозвучал голос из тумана, если только это не прозвенело в ушах.

– Есть не дрейфить, капитан, – ответил матрос на всякий случай.

Невидимый, но видящий его прекрасно, неприятель, крадучись, следовал по пятам. За поясом у него колчан со стрелами или арбалет, или кинжал острый...

Спасибо мудрой Калипсо: богиня научила секретам передвижения в опасных зонах. Бросая мячик, матрос Уильям обезвреживал пространство впереди себя.

Впереди завиднелась развалины Атлантиды. Наверное, здесь скрывается шайка людоедов, пленивших попугая. А теперь поджидают его владельца...

Вот минули угодья бетонной черепахи Тортиллы. Уж позади дремлющий питон Каа и глиняная царевна-лягушка...Плавно проплыла мимо голова вкопанного в землю Витязя... Туман становится все гуще – а в нем «парит» голова каменного динозавра.

Иннокентий-шалопай на «каналью» не откликается...

Калипсо учит что уныние – главный грех, – и матрос Уилл кинул мячик в еще раз. Раздалось приглушенное «ой!» – и в тумане проявилась фигура. Точнее, две фигуры. Маленькая и очень маленькая. «Очень маленькую» матрос Уильям не сразу заметил—а зря.

– Спасибо, что не в Диди, – спокойно сказала маленькая фигура, потирая плечико одной рукой, другой – бережно прижимая к себе очень маленькую фигурку.

Девчонка с куклой! Она смешала все планы отважного моряка, а также мечты о необитаемом острове с кучей сокровищ под каждой пальмой.

По-пиратски сдвинув брови и сунув руки в карманы джинсов, прихрамывая, матрос Уилл обошел песочницу с лежащим посреди нее мячиком и встал с противоположной стороны.

Виктор не боялся девчонок, нет. Но любить их...по-честному, за что? Чуть что – визжат, жалуются, небылицы сочиняют. Они часами занимаются пустяшными делами и забывают про все на свете. А мальчиков в свои секреты не посвящают. Не очень-то и хотелось!

Девчонок можно вернуть в реальность, стоит лишь дернуть за косичку, но они тут же летят жаловаться на своих спасателей. А то, бывает, и с кулаками кинутся! Вот почему так важно в этом деле выбирать девочек поменьше, чтоб не догнали.

Эта – на голову ниже Вити, но притворяшка – будь здоров. Заставляет куклу спать среди дня! И угощает песочными куличиками, лепеча при этом самые отвратительные в мире нежные слова... Вот и водись с такой после всего этого.

Пожав плечами, матрос Уилл попытался образумить туземку:

– Чепуха! Твоя чучелка не из мяса, значит, ненастоящая. – И кинул мяч.

Мальчику показалось, что «очень маленькая фигура» посмотрела на него — всего мгновение – и поэтому он повторил громче:

– Че-пу-ха!

Дикарка поймала мячик – и принялась играть им с воспитанницей.

Остался один выход – развести костер из прутиков.

Туземка искоса наблюдала: длинные реснички двигались в такт веточкам и сухим листочкам, кочующим из-под кустиков в маленькую кучку на дорожке. А когда костер был готов, дикарка всучила пирату котелок и попросила подержать над огнем...

Они так долго склонялись над придуманным костром, варя на нем придуманную кашу, что даже каменный Дино начал переминаясь с ноги на ногу...

...

Так встретились и познакомились герои будущих невероятных событий, хотя вполне могли бы – и очень даже запросто – этого не сделать.

Так и прожили б они длинную-предлинную жизнь, не узнав друг друга. Слишком много этажей было между ними: она жила на первом, он же на последнем – двадцать пятом. Слишком разными были их интересы. Он моряк-первооткрыватель, отважный пират, ну, а она... любительница кукол и телячьих нежностей.

А если б и встретились, но потом, то что бы поменялось, скажите, пожалуйста? Ведь события, которые случились вскоре, так и не произошли б! А все единственно из-за того, что не встретились они вовремя.

В общем, все немного... ну, просто очень, запутано, одним словом.

И вот настало время рассказать кое-что о четвертом отважном сердце – о Диди – единственной на свете, совершенно удивительной кукле.

Кукла Диди

Глава 8 Про любовь

Каждый человек удивится, скажи ему, что у игрушек есть родители. И это правильно. Потому что у игрушек родители совсем не те, кого привыкли считать за них у людей.

Люди считают так, что если за ними кто-нибудь в детстве ухаживает, переживает за них, ласкает и учит всему по жизни, чему не могут научить дошкольные учреждения – то этот человек называется мамой.

Если человек защищает, любит за хорошее поведение и учит тому, чему нельзя научиться в школе – то это папа.

Мамина и папина мама – это бабушка, а папа мамы и папы – это дедушка.

У людей все с этим просто.

Сложнее у игрушек.

Разве можно за них волноваться и переживать, ведь они не переходят улицы, как дети, никогда не хотят мороженого или конфет? Не падают, не плачут, не пачкаются, не дерутся...

И чему им учиться, если они и так все, что надо им знать, уже знают?!

А ухаживать за ними можно только понарошку – кормить, укладывать спать, катать в колясочках, на карусельках и в игрушечных автомобилях...

Их можно спокойно оставлять дома рядом со спичками, розетками и открытыми окнами. Даже квартиру можно не запирасть – и с ними ничего, ну просто ничегошеньки, не случится! Ни при каких условиях они не набьют себе шишки, не расквасят нос, не прищемят палец, не сдерут коленки. Их не похитят, они не выскочат из квартиры на улицу и не потеряются. Почему так – никто точно этого не знает.

Задай подобный вопрос ученому— так и тот не найдет что ответить, а если и найдет, так все равно промолчит с умной улыбочкой.

Такие вот дела.

...А может быть, это оттого, что игрушки, если и делают что-то непозволительное, когда дети надолго оставляют их без присмотра, то всегда все очень осторожно и продуманно, а при звуках человеческих шагов всегда оказываются на прежнем месте и в прежнем положении?!

Что на это ответить?

Нет ничего невероятного в этом мире. Все может быть.

Но справедливо это все только для правильных – не волшебных – игрушек.

А стоит им хоть чуть-чуть «заволшебиться», как дело сразу приобретает другой оборот.

И что странно, игрушки при этом становятся глупее, чем когда они волшебностью «не страдали».

Все дети, конечно, знают Буратино. Уж каким он был умненьким и благоразумненьким, пока лежал поленом в каморке папы Карло и никуда не совал свой длинный нос!

Так нет же! Как только полено превратилось в Буратино, его нос стал соваться куда попало: в холст с нарисованным очагом, даже в чернильницу.

Все это чуть не кончилось самым печальным образом для его владельца.

Пожалуй, все так было и у Диди.

Она запомнила, когда стала делать первые движения, но, когда научилась падать самостоятельно – помнила преотлично.

В игрушечном магазине она падала с самой верхней полки.

Каждое утро продавщица Лиля первым делом после открытия отдела готовых игрушек подбегала к полке со словами: «ну вот, ты опять на полу, Диди. Ты когда-нибудь разобьешься, предупреждаю тебя» – и возвращала куклу на место. И каждое утро все повторялось сначала.

Может быть, томик арабских сказок с затейливыми иллюстрациями на скользкой глянцево-обложке был тому виной? Именно на него для красоты сажала Лили любимую куклу.

Уборщица Тая Никаноровна, бывшая частой свидетельницей падений, говорила назидательно:

«Посади ты ее внизу да зацепи за крючок платьишком, чтоб неповадно было. А ну как она допадает – нос раскрошит, краску со щек облупит – тебя ж платить за отделку заставят!»

Но Лилия, слушая вполуха, прижимала Диди к своему лицу и лишь говорила ласковые слова. Она говорила шепотом, чтобы никто не слышал, кроме Диди, что ни за что не снимет свою любимицу с верхней полки, и это оттого, что жутко боится: такую симпатичную куколку как Диди, обязательно присмотрит какая-нибудь малышка.

А Лиле так не хочется расставаться!

Нет-нет, конечно, она понимает, что разлука неминуема, но как хотелось бы, чтобы это произошло не так скоро!

«Я обязательно найду тебе хорошую покупательницу, прямо загляденье, вот увидишь. Обещаю тебе!»

Диди понимала заботу и чувствовала, что, в свою очередь, полюбила Лилию, и постепенно стала считать ее своей *мамой*

И была еще одна причина, которая волновала Диди...

...

Это случилось в январе. Однажды в магазин с клубами крещенского мороза, вошли две красивые молодые женщины. Одна сказала другой:

«У Лики скоро день рождения, шесть лет стукнет. Не могла бы ты помочь мне выбрать хорошую куклу? У тебя отличный вкус. Помнишь, Люда, еще в детстве ты мне подарила куколку Биби? Я до сих пор втайне от семьи с ней играю, делаю разные прически и вяжу платьица, а живет она у меня на работе в ящике компьютерного стола. Никто не знает об этом, даже директор, а то бы он меня сразу бы уволил. Или высмеял на весь отдел. – Женщина хихикнула. – Я шучу, но, между тем, дома я оставить ее не могу, Лика до нее доберется, а для меня Биби, как вторая дочь, только старшая».

Услышав это, продавщица Лиля незамедлительно приняла решение.

Она пересадила Диди на самое видное место и, конечно, тут же услышала восторженный вскрик:

«Вот, вот она! Это самое то! Какие глазки, какие локоны!»

И вот в этот самый момент продавщица Лилия, вдруг сказала во всеулышание:

«Мадам, я должна вас предупредить... – По ее лицу расплзлись красные пятна, но сглотив, она быстро закончила начатую фразу: – Кукла, которую вы покупаете – китайская!!!»

В торговом зале повисла жуткая тишина. Слышно было только, как жужжит заводной карусельный грибок со скачущими лошадками под шляпкой, на котором висела этикетка «Made in Germany», такая же, впрочем, как и на Диди.

Мама Лики, округлив глаза, долгую секунду смотрела на Лилию. Эта секунда показалась Диди вечностью. И вдруг покупательница расхохоталась!

«Девушка, – сказала она Лиле, – вот вы меня напугали! Да разве так можно?! Предупредить же надо! Где их найти – не китайских, ведь за границу я не езжу».

И пошла к кассе платить за куклу.

Видимо, эта молодая дама, действительно, никогда не была за границей. Странно, ведь это так модно – там бывать. Наверно она, как и Лилия, боялась самолетов или так же не любила

туристов. Впрочем, за что их любить? Неужели за то, что на них культурные достопримечательности влияют непредсказуемо?!

Лиля стояла ни жива ни мертва. В руках она держала почти уже проданную свою любимицу, и только Диди в целом мире знала, какие противоречивые чувства завладели сердцем, стучащим в непосредственной близости...

А теперь Диди еще и удостоверилась, что, прижимая к сердцу ее, свою любимую куклу, Лиля осознавала, что вредит собственному здоровью, ведь с китайскими куклами, Минздрав предупреждает, этого делать категорически нельзя. И все же *мамочка* это делала! А ведь кому как не игрушкам известно, что, повредив своему здоровью, люди могут в дальнейшем умереть!

И еще...И, кажется, это самое главное...

...Еще Лиля не хотела, чтобы Диди не по своей воле доставила кому-то неприятность! И не просто кому-то, а милой будущей хозяйке – дочери этой доброй женщины...И...и...и...

...и ЕСЛИ ЭТО НЕ ЛЮБОВЬ – ТАК ЧТО ЖЕ?!

Глава

9

Прекрасное и ужасное в одном флаконе

Став подарком к шестилетию незнакомой девочки, Диди рассталась со своей первой и единственной мамой на свете.

Возможно, у кукол может быть по несколько мам. Но у Диди была одна, которую она помнила и продолжала любить со всей горячностью не определимого по пульсу кукольного сердца. Она навещала мамочку каждое воскресенье, когда Ликины родители отправлялись с дочерью в гости.

В краткие моменты свиданий Диди была на небесах.

Какое это счастье, заглядывая в окна магазина, через витрину увидеть свою единственную маму, приходить в восторг от улыбки, рассеянно скользящей по окнам!

Диди старалась навещать *мамочку* в темное время суток. А поскольку была зима, у нее было много возможностей увидеть Лилю, так как световой день был короток.

И ей было глубоко наплевать, что она тем самым подвергала себя большой опасности.

Стоило б случайному прохожему подобрать ее, будто кем-то потерянную безделушку, отнести в ее в стол находок, то...две родные души могли б расстаться навек!

А если б ее увидела незнакомая сердобольная девочка – она могла забрать Диди к себе домой, чтобы причесать и обогреть, а потом...может быть, еще и увезти за границу!

Ведь кукла была симпатичной и прекрасно сознавала это. И ей довелось подслушать однажды, как некто, приятно пахнувший одеколоном, настаивал на отъезде Лилии в другую страну, как ни странно, именно из-за красоты. Мол, только там ее оценят...

Но ведь оценивать будут только ее красоту, а не доброту...

Поэтому Диди не доверяла ничему заграничному.

Но больше всего на свете она боялась встречи с дворницкой метлой или лопатой. В этом случае ее настигла б мученическая смерть: сначала – заточение в контейнере мусоровоза с рыбьими внутренностями и картофельной шелухой, а затем – беспощадный огонь в крематории мусорного завода.

Но случилось все не так, как представляла себе крошка-куколка по имени Диди.

А страшней. Гораздо страшней.

Для того чтобы попасть на главный проспект города, где находился родной отдел продаж в «Детском мире», Диди пользовалась игрушечной моделью самолета «ТУ-104», который

легко заводился и приходил в движение, когда все люди в доме, где теперь она жила, засыпали крепким сном.

Но в эту ночь Диди не обнаружила самолетика на обычном месте, а другие игрушки сказали, что видели, как маленький мальчуган, гостивший в Ликиной семье с отцом, ударил самолетик моделью «Боинга».

У ТУ-104 отвалилось крыло. Сразу – ведь его делали китайские роботы.

Мальчик расплакался. Он не ожидал столь сокрушительного результата, а его папа пообещал ему, что дома склеит поврежденный самолетик.

Но час проходил за часом, а самолетик из ремонта не возвращался.

Всю следующую нескончаемую ночь Диди прождала бедняжку, терзаясь самыми тяжелыми предчувствиями. Она надеялась, что рано утром, когда еще темно, весело жужжа, он влетит в форточку и, миниатюрный до невидимости, динамик объявит посадку... Тогда, взлетев над городом, над февральским утром, Диди сквозь освещенное окно увидит Лилю, стоящую за прилавком, ее улыбку, дарящую свет покупателям и всем прохожим за витринным стеклом...

Но ожидание было напрасным, самолетик не появился ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, хотя форточку в детской из-за теплой погоды не закрывали. Он исчез в небытие, как исчезают все игрушки, попавшие к нерадивым хозяевам. Вместо того, чтобы починить вышедшую из строя игрушку, они просто – о ужас! – выбрасывают ее в мусорное ведро вместе с очистками овощей и рыбы.

Тогда Диди решила отправиться в магазин на маленькой заводной модели марки «Опель», находящейся в коллекции у Ликиного папы в соседней комнате.

Трудно, ой, как трудно было наладить связь с Опелем! Ведь надо было дождаться мига, когда сразу в обеих комнатах квартиры никого не станет, либо все уснут.

Но игрушечное братство помогло.

Оно состояло из обычных игрушек, которые не были волшебными и потому всегда поступали только так, как положено – ни в чем не рискуя. При появлении кого бы то ни было не из игрушечного племени – взрослых, детей или животных, – они секунда в секунду возвращались на свои прежние места и застывали в прежних позах – в тех самых, в которых находились в памяти возвратившихся.

Игрушки отговаривали Диди, как могли, считая ее поведение отчаянным безрассудством. Но, осознав тщетность уговоров, старались помочь всей душой. Ведь Ликины игрушки были самыми, что ни на есть, замечательными и добрыми, как вся ее семья.

Диди связалась с Опелем еще до наступления темноты.

Ей просто крупно повезло в том, что накануне уикенда у Ликиной семьи в гостях было семейство с малышами, которые заигрались в детской и все разбросали так, что ёж ногу сломит, а перед уходом поспешно рассовали все по ящикам и коробкам, учинив тем самым еще больший бедлам, чем был до того.

Так, собачки оказались в сачке для ловли бабочек, бабочки – в кастрюльке для варки ухи, а папа-конь, так и не получивший помощи при родах – в мешке с кубиками, из которых заботливые малыши сооружали центр планирования семьи (они все появились на свет именно в этом центре, а потому запомнили это название на всю жизнь)...

Короче, при подобном раскладе и самый проницательный член семьи не догадался бы, что Диди уехала на Опеле, а не просто упала и ее засунули в игре под диван неосторожным движением чьей-то ножки.

И вот наступил долгожданный миг. Прилаженный к Опелю парашют оказался очень широким для капризного февральского ветра. Потому они с Диди оказались сразу на полпути к магазину. И все же предстояло преодолеть добрую половину пути.

По улицам и скверам города, Опель двигался крайне осторожно, подчиняясь легчайшему движению ручки Диди. Пусть не гудел мотор, но зато колеса вращались удивительно быстро.

А кукла демонстрировала такое мастерство вождения, что передвижения Опеля не замечал никто.

Исключая, конечно, ворон, воробьев и котов. Они всегда все претотлично видят и слышат, но, не зная человеческих законов физики, достаточно лояльно относятся к подобным перемещениям.

Хорошо, что зимой не бывает котят на улицах: уж эти дотошные сорванцы не оставили б игрушечных путешественников в целостности и сохранности, приняв их за подобия городских грызунов.

Бродячие псы, да и собаки на поводках, тоже представляли серьезную опасность. По закону своей крови, они очень чувствительны к любому нарушению традиций и потому стоило показаться путешественникам в поле их зрения, как блюстители порядка ощетинивались, рычали и даже лаяли, сбивая с толку своих хозяев.

«Да чего ты разоряешься-то? – возмущалась, бывало, благодушная хозяйка добропорядочного терьера. – Закрой-ка пасть покрепче, а то ворона влетит».

В ответ на такую несправедливость бедная собака, как любая другая на ее месте, чуть не захлебывалась собственным лаем.

Бродячие псы – сама непосредственность! – могли подбежать, обнюхать и даже попробовать на зуб.

Самым тяжким испытанием, однако, являлось городское столпотворение.

Во-первых – человеческая толпа никогда не смотрит под ноги и не видит ничего кроме луж, а потому всегда готова снести любой прочий объект на своем пути и утрамбовать каблуками, лишь бы не попасть в лужу.

Во-вторых – автомобили прекрасно видят все и вся перед собой, но, соблюдая команды водителей, так и норовят наехать и раздавить игрушки своими огромными рубчатými калошами.

Несмотря на все трудности, Диди преодолела многочисленные препятствия и вскоре очутилась перед заветной витриной.

Увы, через подсвеченные стекла виднелось, хоть и милое, но не знакомое, лицо... Однако и всей волшебности Диди не хватило, чтобы послушаться голоса игрушечной чести и не заговорить с незнакомкой без представления.

Диди не знала, как поступить. В растерянности она направила Опель в сквер, чтобы в спокойной обстановке обдумать ситуацию.

В центре сквера размещался Фонтан, бивший даже теперь, в середине февраля, горячими струями, о чем свидетельствовал пар от воды. Занесенные снегом искусственные звери окружали бассейн при Фонтане.

Посреди бассейна темнела громадная фигура, изображавшая такое странное существо, что даже синтетические волосы встали бы дыбом. Каменный монстр – плод нездоровой фантазии скульптора – высился над сквером, соперничая в размере с семиэтажным зданием...

Голова мешкообразна, как у гигантского осьминога, два свирепых глаза... Короче, бесформенный каменный мешок, насаженный на гигантский бочонок... Вокруг Фонтана змеились огромные щупальца до полуметра в поперечнике. И хотя Диди видывала много диковинок на полках игрушечного магазина, у нее подкосились ноги.

Однако Диди понимала, что лучшего места для раздумий ей не найти. Внимание гуляющих взрослых и детей, будто заколдованное, приковывалось к каменной страхолюдине. Это позволяло курсировать на Опеле среди бела дня, не вызывая подозрений.

Диди отрешенно думала и гадала: что же случилось с ее названной *мамочкой*

Пока кукла в ужасе от своих догадок о самом плохом, куролесила вокруг каменного осьминога, совершая восемнадцатый виток, одно щупальце дрогнуло, выгнулось горбом на пути, и, морща проломанный асфальт, как это делают корни ясеня, затормозило автомобильчик.

Чудовищный истукан оживал не по правилам – не в темное время суток, а среди бела дня в окружении людей! Несомненный признак волшебности! Только вот слабо верилось в его доброту...

Пока Диди соображала, куда повернуть Опель, тот рванул самопроизвольно назад, но точно такой же горб перекрыл движение и сзади. И тут бедняжку пронзила страшная догадка, что она имеет дело с волшебной, как и сама – только с очень злой и каменной – куклой.

Каменные кольца-шупальца задвигались энергичней, кроша асфальт. Подпрыгивая и ударяясь о растущие сзади и с боков глыбы, малютка-Опель сползал к бассейну фонтана.

Остановился он лишь у парапета.

От брызг маломощный игрушечный механизм все более покрывался ледяной коркой, пока не превратился в не способную к движению ледышку.

Миновали часы короткого зимнего вечера, и последний ребенок, сопровождаемый взрослыми, покинул странный сквер.

Утренней ранью явился дворник и ломиком отбил странный кусок льда, примороженный к бетонному парапету. Он хотел его было сбросить вниз – в грудку мусора, но кусок, как заколдованный злым волшебником, странным образом отскочил от ломика, скользнул по отшлифованным камням в противоположную сторону. Пролетев по инерции парапет, он упал в воду...

Ледяной Опель закружился в парящих водах фонтана, оттаивая с каждым кругом.

Диди со страхом выглядывала из наполненной водой кабинки. Оттого что глаза чудовища вращались каждый сам по себе, казалось, что оно не могло ничего видеть. Но, вместо облегчения, Диди испытывала страх. Тут еще раздался скребущий звук железа по стеклу, который оказался голосом каменного чудовища:

«Мы давно наблюдаем за тобой, бессовестный пупсик. По какому праву ты нарушаешь наши устои – правила поведения искусственных созданий?»

«Вы имеете в виду, что я посещаю *мамочку*, подвергая себя риску быть увиденной людьми? – кружась в водовороте, с достоинством отвечала Диди. – Поверьте, я соблюдаю все меры предосторожности при перемещениях и не изменяю сознание людей и их представления об окружающем мире».

«А кошки и собаки? – ты, видно, запомнила о них! Они могут донести своим хозяевам о вопиющем непорядке!»

«Я верю в домашних животных! – парировала Диди. – Они, как и мы, игрушки, желают добра людям».

«Не расписывайся за других, пластиковый ошметок! Неужели лишь эту чепуху ты можешь сказать в свою защиту?»

«Мое прошлое не имеет отношения к делу! Пусть я не такого высокого происхождения, как вы, и целиком искусственна, но я говорю только натуральную правду».

Диди знала, что когда-то была бесформенным куском пластика, из которого в специальной форме образовалась ее фигура, но не считала, что виновата в этом.

Каменные кольца шупалец, вздыбившись, заслонили Диди от глаз-фар, собравшихся, наконец, в кучу, чтоб ослепить пластиковую «хулиганку», но голос по-прежнему продолжал пронизывать дребезжащей мерзостью:

«Ха-ха-ха, пустая марионетка возомнила о себе невообразимое! Да я размозжу твою башку самым мелким шупальцем! Где преклонение перед великим Иквакером?»

«Великим?.. О достопочтеннейший... – выдавила из себя Диди знания об обращении с великими, почерпнутых из ночных бдений на арабских сказках в отделе продаж.

«Что-о?! – взорвалось чудовище от экзотического обращения. – Дерзкая ширпотребовская дрянь! Ты новоиспеченный целлулоид, смеешь насмехаться надо мной?»

Каменные кольца заходили по асфальту. Парапет покрылся трещинами. В воду посыпались льдины с не очищенных дворником участков. Малютку-Опель сжало гармошкой, и

он, жалобно скрежетнув капотом, раскрыл двери, как умирающий воробей – перышки. Кукла вывалилась из салона своего друга на грязную льдину. А так как платьице ее промокло в воде, то тут же замерзло на февральском ветру, сковав все движения.

Со всех сторон заулюлюкали.

Диди с трудом выгнула стремительно заледеневшую шею и посмотрела по сторонам. Ее окружали десятки кошмарных изваяний. Может, это сон?..

Нет: куклы не спят никогда.

Но откуда... Откуда они взялись эти монстры, да еще в таком множестве?

Будто в ответ, рядом с фонтаном в натекшую только что и не успевшую еще замерзнуть лужу плюхнулся безобразный птеродактиль. О, Диди сразу узнала его! Это была копия персонажа компьютерной игры «Палеозойская Бойня», в которую часто играла Лика, когда родителям было некогда, и малышка сидела в комнате одна. В те вечера Лика с трудом засыпала, а потом ей снились компьютерные персонажи, будили по ночам и звали в бой.

От страшных догадок леденело сердце.

«Неужели зверюги явились сюда прямо из мультиков?» – спросила вслух Диди.

«Включи свои поролоновые мозги в электромиксер! – мерзко захихикал Иквaker. – А лучше наоборот! Слушай меня и запоминай! Да, именно так. Все ужасное, что создано человеческим воображением: слеплено, нарисовано, вышито, спрограммировано, – все в моем услужении. И, если в твоей голове имеется хоть горстка опилок, то ты, чтобы спастись, должна поступить на службу в мое войско! Иначе дни твои сочтены».

«Я не безобразна, как твои рабы, – поэтому я свободна», – смело отвечала Диди, из последних сил карабкаясь на проплывающую мимо льдину.

В раскатистом голосе каменного монстра появились бархатистые тона.

«Крошка, ты мне нравишься! Когда я встречаюсь с такой с такой первосортной наивностью, я с особенным удовольствием наблюдаю, как разлетается она в прах под ударами моего хвоста. И если ты думаешь, что эти уроды, собравшиеся вокруг тебя, – продолжил он, – были таковыми всегда, то ты не знаешь мощи зла! Многие из них ранее могли соперничать с тобой в привлекательности. Но, снабженные ваятелями красотой, достойной принцев и принцесс, не уберегли ее. Посмотри на них ныне! Теперь это безобразные убоища, способные только на зло. И они сделали себя таковыми, лишь раз допустив меня к своему сердцу. Теперь они преданы только мне. Именно мы, а не люди, устанавливаем порядки. Знаешь ли ты, ломать мёртвой нефти, что я, Великий Иквaker – настоящий властелин города? Скоро, очень скоро я заставлю отделиться плохое от хорошего. Затем я соберу все зло в кулак и покончу с непотребным добром навсегда!»

«Но добро сильнее зла!» – заявила Диди.

Лютый владыка продолжил восхвалять себя и свои достижения, будто не слыша возражений.

«А все оттого, что бетонные твари только раз прислушались к моим словам! Лишь один раз! Полраза! И теперь они продолжают мое дело своими дрянными, гнилыми и вонючими делишками. Я! Я сделал их счастливыми, ибо только зло дает истинное довольство. Верно ли я говорю, о верноподданные?»

И в ответ завывали, застонали все эти заскорузлые и искореженные шматы когда-то симпатичных творений.

«О, да-а-а, вели-и-икий!»

Вода в Фонтане запузырилась от перегрева, словно в нее вставили гигантский кипятильник. Льдина, на которой кружилась Диди, стремительно таяла.

Кукла цепенела и чувствовала, что если б сейчас была человеком, то могла бы запросто покрыться капельками пота посреди зимней стужи, а потом – заледенеть навсегда-навсегда.

Как ей хотелось в этот злополучный миг заткнуть, закупорить хоть чем-то уши и ничего не слышать!

Она собрала всю свою волю – и соскользнула с льдинки, приютившей ее, прямо в парящий кипяток, в надежде, что кипящая вода ослепит и оглушит ее.

И, правда, она больше ничего не видела и не слышала, но почувствовала, как размягчается и деформируется тело, расклеиваются швы, смывается краска, растворяя в кипятке прекрасные нарисованные черты лица.

Что было потом, Диди плохо помнит.

То ли в яви, то ли во сне окружили ее со всех сторон каменные тени... доставали ее из воды, втапывали в снег, вновь совали в кипяток, вновь извлекали на поверхность – и опять погружали... Одновременно скандировали заклинания, заставляя повторять вслед за ними:

Квакеру-вякеру – будь верным Икквакеру!

Режь железом стекло – совершай только зло!

Колифдей-кукареку – не служи человеку!»

... Она пришла в себя в чем-то теплом и мягком.

Диди попыталась приоткрыть глаза и обнаружила, что верхние и нижние ресницы слиплись. Сквозь черную их решетку она старалась рассмотреть незнакомый мир и понять, где она находится – но не тут-то было.

... Она лежала в уютной маленькой постельке с подушечкой, пахнувшей хмелем, накрытая одеяльцем с вышитыми гладью розовыми розами. Кто-то поливал цветки крупными каплями воды, которые расплывались по ткани ровными кружочками.

На спинке крохотной кровати висели постиранные и отглаженные кукольные платяице, панталончики и ленточки для косичек.

«Где я?» – спросила пораженная Диди, не слыша собственного голоса.

«Диди, милая, наконец-то у тебя открылись глазки!» – проговорила склонившаяся малышка, протирая свое личико платочком.

Наконец, она поняла, что значат расплывающиеся кружки на одеяльце: это падали слезки Лики!

Одна за другой.

Девчурка то и дело промокала глаза, не забывая улыбаться.

«А я и не знала, что у тебя, как у обычной девочки, есть мама. – Лика улыбнулась еще очаровательней (хотя куда уж больше). – Это та красивая тетя, которая принесла тебя, совсем грязную и с закрытыми глазками, без щек и губ. Она сказала, чтобы я поместила тебя в отдельный домик, ухаживала бы за тобой днем и ночью, пока ты не выздоровеешь. Сама она не могла этого сделать, потому что у нее не было сил даже стоять. А у меня вон сколько сил!» – И Лика затопала, подбочившись, имитируя «Польку куклы с Мишкой».

«Ты целую неделю не открывала своих милых глазок, – продолжала Лика рассказ. – Губки пришлось подрисовать тебе маминой помадкой. Ну, а щечки постепенно тоже появятся – так мама сказала. И если только будешь меня слушаться и каждое утро кушать геркулес. Или манную кашу с комочками. Я ее очень люблю. Когда покушаешь, то я... вот только немного посплю ночью... потом сразу найду розовый фломастер – и подкра-ашу тебе щечки... Обязательно».

Произнося последние слова, Лика неудержимо зевала. Укладываясь спать, она говорила:

«Страшно подумать, что тебе привелось перенести, когда я потеряла тебя. Прости, но я не все коробки заклеила клеящи

м карандашом, и, когда вещи перевозили на нашу новую квартиру, ты, наверно, выпала из корзины с игрушками прямо на дорогу. А потом тебя принесла такая...красивая...такая замечательная...дорогая твоя *мамочка* Лиля».

Ах, все ясно! Вот причина того, почему Диди не узнавала окружающую обстановку! В тот самый день, когда произошло ужасное событие, Лика со своими родителями и игрушками переехала на новое место жительства! Но если Лилия принесла куклу сюда, выбиваясь из последних сил, значит, названная *мамочка* была больна!

«Ах, только бы скорей оправиться! – думала названная *дочь*. – И тогда я узнаю, что с ней!»

*Став подарком к пятилетию незнакомой девочки,
Диди рассталась со своей первой и единственной мамой на свете...*

Глава 1
0

Черная метка

Здоровье Диди восстанавливалось.

Помогли и экологически чистый клей, и оздоровительная гимнастика под игрушечный кишлофон, и ежедневный макияж по утрам. Ликина мама без усталости накладывала на кукольное личико Диди продвинутые восстановительные маски, улучшающие все виды кожи после чрезвычайных происшествий и длительного отсутствия ухода. Пришедшее в негодность крепдешиновое платье выстирали, починили, погладили. И оно снова стало нарядным.

Однако кукла оставалась безразличной ко всему, кроме судьбы Лилии. Кроме того, теперь она прекрасно знала имя самого жестокого злодея в мире.

«Иквакер»!

Оно, казалось, вытесняло из головы все добрые мысли.

Тяжело и сложно восстанавливала пластмассовая малютка все события той жуткой ночи. Но понемногу все прояснилось, чему помогли странные обстоятельства.

Скачком восстановилась память при встрече Диди с Дино. Произошло это через месяц после расправы у Фонтана.

Встреча случилась во время прогулки Лики в сопровождении няни на детской площадке во дворе нового дома.

Лика везла Диди в колясочке, укрытую одеяльцем с розовыми розами.

Маленькая хозяйка считала свою любимицу тяжелобольной и старалась не расставаться с ней надолго. Хорошо, что в детском саду на тот период отсутствовали свободные места, и родители наняли няню для присмотра за дочкой, пока они работают.

На самом деле Диди уже почти выздоровела.

Обычные куклы никогда не болеют. Потому что *неволишебным* куклам хворать, ну, никак не положено. Запрещается им болеть – и точка. Следует сказать, что *неволишебные* существа все запреты и правила выполняют без исключений.

Другое дело, волшебные игрушки. Они не исполняют многие предписания, поэтому частенько недомогают. Можно сказать, болезнь – признак волшебности. Но, заболевая, они выздоравливают очень-очень быстро.

Вот так обстояли дела, о чем Лика, разумеется, не имела ни малейшего понятия.

Воспользовавшись тем, что девочка занялась выпечкой песочных куличиков, а няня – чтением блестящего журнала, Диди посемила к бетонному динозавру, установленному в центре детской площадки.

Она сразу узнала Дино.

В тот злосчастный вечер у Фонтана с Иквакером среди остальных изваяний зверей он выделялся высоким красным бугристым гребнем над громадным зеленым туловищем.

«Привет, – спокойно сказала кукла. – И не делай, пожалуйста, вид, что не знаешь, кто я, или что ты не помнишь меня. Я помню не все, но знаю точно, что не больше годичного квартала назад ты со своей бетонной гвардией раздирал меня на мелкие кусочки, обливал кипятком, а затем снова замораживал на морозном ветру».

«М-м-м...», – чуть слышно прогудел динозавр.

«Не прикидывайся олухом, – продолжала Диди. – Конечно, я понимаю, что каменный монстр собрал много всякой твари вокруг себя, но знаю твердо: не все запугивается и продается. Вы пытались приобщить меня к вашим преступлениям против людей, но у вас ничегошеньки не вышло. И не выйдет. Все домашние игрушки поддерживают меня. Они не такие, как уличные. Ха-ха!»

В ответ Дино неожиданно рассмеялся. Поразительно тоненько хихикнув, он сказал глухим голосом:

«Мне без разницы, что говорят драные домашние игрушки. Зло победит добро. Вариантов нет. Именно зло. Сказать по правде, ты даже не представляешь себе всемогущество плохого. Не беспокойся, скоро, очень скоро, вам доведется в этом убедиться. Оглянись вокруг себя своими малеванными «лупяшками» да запомни хорошенько, ведь скоро все это останется лишь в твоей памяти. Всё-всё изменится – и ты не узнаешь город, погребенный под вечным асфальтом. Да и кому смотреть? Ваше место – под ним, родимым. Асфальт поглотит всё...»

Ошарашенная Диди ничем не выдала охвативший ее ужас.

«Игрушки, это много, поверь мне, – ответила она, собрав силенки воедино, – пусть у вас, тяжелых монументов, и создается ложное впечатление, что в этом мире главные вы, но это неправда...»

Она осеклась, оттого что какие-то тени промелькнули – и в глубине двора, и за наскоро задвинутой занавеской в окне ближайшей многоэтажки напротив.

Создалось ощущение, что много глаз и ушей поглядывает и подслушивает их разговор со всех сторон...

Диди отошла от Дино, но решила отныне внимательно наблюдать за происходящим.

Теперь по вечерам она уже не готовилась к еженедельной поездке в магазин, чтобы мельком увидеть Лилю, а, делая вид, что лежит беспамятно и безрассудно в своей удобной игрушечной спальне, размышляла, пытаясь разобраться, что происходит в городе.

Когда Лика засыпала, Диди осторожно пробираясь между «спящими» игрушками, залезала на подоконник и рассматривала детскую площадку.

То, что происходило там лунными ночами, ее шокировало до беспредела. Она поняла, что над горожанами нависла серьезная опасность.

Диди, конечно же, поделилась своими опасениями с самыми близкими друзьями.

Она давно дружила с семейством резиновых лошадок и маленьких пони из игрушечных наборов Лики. Бедная малышка, выросшая в городе и никогда не видевшая настоящих лошадей, кроме как в зоопарке, маленьких пони считала жеребятами, то есть детенышами папы-коня и мамы-лошади.

Одни пони были из Китая, другие – из Германии. У них были разные характеры. Китайские пони плохо причесывались и быстро расплетали косички, в которые заплетала хвосты и гривы Лика, их хозяйка. Они были своенравней и лукавей, чем немецкие.

Зато немецкие – были грациозны и гладки. К косичкам они относились с уважением и не портили их при первой же возможности, оставшись наедине.

Ликина мама утверждала, что немецких пони неопасно грызть, и их делают из питательных материалов, но Лика ни разу не отваживалась даже просто прикоснуться зубиком, боясь испортить лоснящийся блеск своих любимцев.

Китайских же лошадок она специально не трогала, ведь судя по маминым словам, они могут обидеться и, как-то по-своему таинственно, отомстить.

Как бы то ни было, лошади вместе с Диди несли дежурство на подоконнике день и ночь напролет. Но они дорожили местом домашних игрушек, а потому многого не видели, прекращая полуночные бдения при любом тревожном сигнале. При малейшем движении спящей хозяйки или звуке шагов около двери, беззвучно заржав, лошади дружно вставали на дыбы и вскакивали в коробку из-под обуви, выделенную под конюшню.

Зато днем от множества их вопросов о положении дел в городе у куклы просто голова шла кругом. Пока отсутствовали люди, Диди организовала пресс-конференции, рассказывая «неволишебным» игрушкам о результатах ночных бдений.

Чтобы держать всех в курсе событий, игрушечное сообщество лошадей и Диди, пользуясь игрушечным печатным станком, выпускали в конюшне газету «Скаковые вести». В ней лошади сообщали кратко о самых важных событиях, а затем забрасывали правдивую информацию в мир через открытые форточки.

Вскоре, однако, появились непредвиденные неприятности.

С удивлением Диди обнаружила, что некоторые игрушки в среде детей пребывали не с любовью, а со злобными настроениями. Это хорошо маскировалось, так что родители, тратившие на приобретение игрушек немалые деньги, даже не подозревали, что вводят в дом врагов своих детей. Потом многие хватались за голову и вопрошали:

«Откуда все это взялось в нашем ребенке? Разве мы не щадили своих средств, чтобы приобрести современные и очень дорогие игрушки? Это ужасно».

Никто не подозревал, например, что «играшки-мультишки» жили самостоятельной жизнью и только создавали видимость послушания кнопкам и джойстикам.

Понятно, что программы подобных игрушек создавались наемным воинством Иквакера.

Некоторые отчаянные головы сопротивлялись навязанным программам. Но это было не под силу многим, очень многим носителям невидимых храбрых сердец. Часто приходилось лавировать. Ниндзя-черепашки, прорезиненные индейцы и солдатики, например, то служили своим маленьким хозяевам, то боролись против них.

Однажды Диди обратилась к одному игрушечному злодею – копии общеизвестного Волан-дорадо:

«Сейчас вы еще выглядите привлекательно, зло не исказило ваши прекрасные черты, но вскоре оно наложит на вас свою черную метку: вы станете хромым и горбатым, кривым и тугоухим, а может быть, при разговоре вы станете плевать сквозь редкие зубы прямо в лицо вашему собеседнику, и он перестанет водиться с вами. Зачем вам эти сомнительные приобретения? Бросайте ваши гадости и переходите к нам – в лагерь добра!»

На что игрушечный господин Волан-дорадо откровенно ответил:

«Видишь ли, Диди, черная метка не смываема. Тот, кто встал на дорогу зла, ни за какие коврижки не променяет жизнь, полную захватывающих впечатлений, на пресный образ существования добреньких пони-недоделков. Каждому свое – так считали великие игрушки прошлого. У каждого свой выбор».

В лагерь зла его рекрутировали недавно, поэтому Волан-дорадо еще соблюдал честность при неожиданных вопросах. И только две недели спустя он покатился по наклонной и пошел в разнос, так что с ним бесполезно стало общаться.

Вот какие дела.

Одним словом, среди домашних игрушек произошел раскол.

Иквакера это устраивало на все сто.

И почувствовала тут Диди, как нужен ей совет близкого человека.

Сколь ни опасно было покидать надежный и милый кров, она вновь снарядилась в дальний путь – к Лилии, надеясь, что та выздоровела.

Но в магазине «Детский мир» ей сообщили, что девушку уволили по человеческим правилам, так как она не смогла предоставить больничный лист.

Диди, выздоровев благодаря теплу и любви Ликиного семейства, начала долгие и безуспешные поиски пропавшей Лилии. Тщетно искала волшебная кукла мамочку где только могла: в магазине, дома, на улицах – везде.

От тревоги утратив осторожность, она подкараулила момент, когда сменщица Лилии в обеденный перерыв приклонилась головой к сложенным на столике рукам и устало прикрыла глаза.

«А где ваша напарница? Она обещала мне показать одну игрушку...» – пропищала Диди ей в ухо, подражая неделикатной покупательнице.

«Она болеет», – не поднимая головы со скрещенных на прилавке рук, проронила девушка.

«О, я с удовольствием навестила б ее с лимонами и ананасом, если б только знать, где она живет... – продолжала хитрить Диди, – и купила б ей действенные медикаменты».

«Скорняцкая 20, 160», – скороговоркой назвала Лилин адрес ее сменщица.

И Диди отправилась туда.

Трудно было идти столь хрупкому созданию, как маленькая симпатичная куколка, по скользкому тротуару. Еще опасней переходить широкие дороги на зеленый цвет светофора, рискуя не успеть это сделать короткими ножками до красного и попасть под колеса ревущих автомобилей.

А тут еще стая бездомных псов, чего никогда не бывало прежде, рванула к ней, замыслив разорвать на мелкие кусочки... Однако Диди посчастливилось втиснуться в щелку электротехнической ниши в фонарном столбе, и свирепо рычащие псы остались ни с чем. За полчаса, проведенные в фонаре, кукла чудом не оглохла от гавканья. К счастью, полаяв и поскулив, собаки, в конце концов, умчались за более верной добычей.

К вечеру кукле удалось преодолеть довольно значительное расстояние. В бежевом плаще, который сшила для нее Ликина мама, Диди казалась всем малюсенькой лилипуткой – и люди к ней не приставали...

...Все попытки найти следы Лилии в лабиринте огромного города раз за разом наталкивались на неудачи. Как много раз Диди, испытывала разочарование...

Казалось, следы Лилии были утеряны навсегда...

История Лилии. В разлуке с Диди

Глава 1

1

Серебристая лилия

Болезнь нагрянула в феврале, за месяц до увольнения. Лилия была у себя дома. Недалеко от магазина «Детский мир», где она работала консультантом, ей удалось снять небольшую комнатушку.

И хотя она решила отлежаться, чтоб побыстрее выздороветь, – вдруг не выдержала и помчалась, словно на чей-то зов.

Ноги ее сами привели на Детскую площадку, расположенную в центре города.

Была страшная темень: в последнее время экономисты города сочли ночное освещение нерентабельным. В этом заключении логика, несомненно, присутствовала, но Лилии от того легче не становилось. Со стороны Фонтана слышались какие-то голоса и странные бухающие звуки. Будто гигант-Циклоп ворочал в руднике тяжелые камни. Чем-то горячим и затхлым обдало лицо девушки. Наконец луна выплыла из-за туч и высветила странную картину.

Парящую воду обступили странные существа, некоторые из которых были явно доисторического, если не сказать – ископаемого происхождения – динозавры, летающие ящеры, двугорбые черепахи. Тяжелая их поступь, казалось, способна была высечь искры из самого твердого камня на свете.

Все они в чрезвычайном возбуждении перемещались вокруг огромного спрута-осьминога в центре фонтана.

Осьминог был ужасен. Огромные два глаза вращались на нем в бешеной пляске, а из клацающей каменными зубами пасти шел дым. Он походил на шамана в центре магического круга в ритуале древнего племени дикарей. Для Лилии все происходило как в замедленной киносъемке, оттого выглядело таинственным и зловещим.

Иногда монстры заходили в воду, мотая туда-сюда вместе с мордами красную тряпицу, да так энергично, как если бы хотели удалить из нее весь фабричный краситель. Они вырывали ее друг у друга, сталкиваясь рогами, носами и лобными шишками, отчего в воду падали, шипя, разгоряченные куски их тел. Потом вытаскивали тряпичный комок и ждали, когда он заморозится до состояния ледышки, после чего начинали топтать каменными столбами ног.

Подчиняясь зычным командам спрута, без устали они повторяли зловещие движения вновь и вновь. А каждым моментом передыха пользовались для того, чтобы, задрав уродливые головы, испустить короткий звук в сторону луны, больше похожий на хрюканье, нежели на тоскливую песнь зверя, словно они еще не научились выть по-настоящему, как это делают хищники леса...

Тем не менее, это странное действие доставляло тварям немалое удовольствие.

Как завораживающе ужасны были страхолюдные творения ночи! Заторможенные перемещения, словно в замедленной съемке, во всей своей неторопливой неотвратимости, напоминали кошмарный сон.

Вот они сверзили боковую колонну надстройки Фонтана, отчего сотворился жуткий грохот. Во все стороны полетели обломки, искры, рваные куски пара, а омерзительное хрюканье достигло кульминации.

«Проклятье, Дино! – Приказ прозвучал, как из мощной дискотечной колонки в сотни мегаватт. – Три тыщи чертей вам в глотку, но пока что мы не в силах нарушать смердящие законы людей. Кукла зачарована добрыми чарами и потому смертна, а значит, вне наших сил

растереть ее по асфальту, как это я смог бы сделать с любым из вас. Но, клянусь вам, я способен привести ее к гибели, как если бы она пришла к ней сама, не будь я Великий Иквакер! Отдыхайте покамест, мои верные твари, и уповайте на мою мудрость! Все по местам!»

Пронзительный морозный ветер усилился и заледенил своим заунывным воем не только тело, но и душу Лилии.

Девушка почувствовала, как тело каменеет, а душа умирает, будто покидая безжизненную мумию. Лишь импульсы, по инерции бегущие по замкнутым нервам, как по электрическому контуру, заставляли заледенелое тело двигаться в такт ночной какофонии, царящей над Центральным Фонтаном города.

И бесформенный комок красной тряпицы пал к ногам, словно для того, чтобы быть растоптанным каменеющей Лилией.

Прилагая последнее усилие воли, девушка застыла на месте.

По искристому блеску она узнала платице, которое она когда-то шила из лоскутка крепдешина и вышивала бисером собственными руками. В искореженном страшными экзекуциями вечно улыбающемся личике мелькнули знакомые и милые сердцу черты.

Одно из каменных страшилищ толкнуло Лилию в спину, и она упала, в полете усилием воли изменив положение тела так, чтобы прикрыть и заслонить от чудовищ любимую куклу.

Вой, который услышала девушка над собой в тот миг, казалось, невозможно позабыть никогда.

Правая половина ее тела, уже ставшая каменной, рвалась присоединиться к душераздирающему воплю. Но, левая, где билось упорно не сдававшееся сердце, несказанно обрадовалась тишине, наступившей после.

И хотя мороз уже сковал все члены, не давая возможности шевельнуться и выскользнуть из его пут, Лилия собрала последние силы и прижала к сердцу растерзанный комочек.

Словно горячий ручеек заструился по ее рукам, ногам, туловищу...

Она не помнила, как встала и пошла по ночному городу, прижимая куклу к груди, и ее едва не замороженное сердце словно растапливалось теплом, исходящим от красного крепдешина.

Продавщица помнила наизусть адрес покупательницы, той, что купила ее любимую Диди, – Ликиной матери, и теперь шла, поднимая бледное лицо к табличкам с названиями улиц.

Ночная пурга мешала ей, и девушка бесконечно путалась и кружила вокруг одного места.

Только под утро она поняла, что дома по этому адресу вовсе нет.

Вместо дома, который искала девушка, зияли ямы в окружении обломков.

Долго сидела Лилия на одном из них, глядя в провал развороченного грейдером подвала. Чуть забрезжил рассвет, и на развалинах появились рабочие, разбирающие остатки дома и расчищающие новое место для строительства торгового центра.

К ней подошел прораб и на ломаном языке велел ей уходить. Однако сжалившись над убитой горем девушкой, он сказал, что по программе реновации ветхий фонд в центре Города ликвидирован, а всех жителей переселили в спальный район, отстроенный на месте снесенной деревеньки Дорино.

Лилия сумела найти хозяйку Диди и успела вручить ей куклу до того, как слегла окончательно.

Изо дня в день обходила она многоэтажки Новодорино, в каждой квартире спрашивая девочку по имени Лика, – так звали, как помнила Лилия, дочь покупательницы – но всюду ей давали отрицательный ответ.

Незнакомая женщина помогла ей. В прошлом она была доктором наук, а теперь работала консьержкой одного из подъездов. Сохранённые профессиональные навыки помогли ей вскрыть код базы департамента по переселению жителей из снесенных ветхих кварталов центра. И – о чудо! – на экране монитора высветился желанный адрес: «Новодоринская д,7, кв.4».

Ликина семья только что въехала в новую квартиру.

За окном вьюжило, и выла метель. Поэтому Лику не повели гулять, а усадили на диване в холле среди бумажных рулонов и потолочных плит из винила. Все любимые игрушки лежали не распакованными в разнообразных тюках—больших и маленьких – и родители разрешили дочурке рисовать на новых обоях. Но только на обратной стороне и только водными, а не спиртовыми фломастерами, чтобы рисунки не просвечивали на лицевой стороне.

Сами они, надев фартуки и даже платки, отчего стали похожи на двух близняшек-маляров, приступили к ремонту новенькой квартиры. Делали они это радостно и быстро. Но работы было много, и она растянулась надолго. Лика тогда еще не знала, что день ремонта будет не единственным в судьбе их семьи. А тогда она в счастливом неведении терпела свое «заключение» на диване, занимаясь день-деньской лишь одними обои-покрасочными работами, безропотно, как только и могла это делать любимая дочка прекрасных родителей.

Во фломастерах Лика давно уже разбиралась, только не понимала, как можно рисовать на обратной стороне обоев, если они все, как назло, свернуты наружу «лицом». Поэтому, для того чтобы снаружи оказалась изнанка, она придумала обматывать обоями зонтик. Вскоре из одного, получились два неполных рулона, но теперь на одном из них можно было рисовать.

Но раздался звонок, и в приоткрытую дверь протиснулась очень красивая и очень бледная девушка.

Мама встретила ее, вся в замазке и белилах, с обоями под мышкой и валиком для нанесения клея в руках. Девушка кинула робкий взгляд в квартиру и увидела холл, заваленный мешками сухой смеси, заставленный ведрами со шпатлевкой и банками с краской, отчего нерешительность ее лишь усилилась. Только затем она перевела испуганный взгляд на Ликину маму.

Обе стояли, смотрели друг на друга и молчали.

«Извините, – сказал папа со стремянки из-под самого потолка. – У нас ремонт. Мы только месяц назад въехали в эту обаятельную обитель, но она оказалась не совсем пригодной для жизни, вот мы и взяли отпуск и хотим привести все в божеский вид...»

«Хотя бы в божеский вид...» – прорезалась речь и у мамы.

Девушка по-прежнему молчала, а наблюдательной Лике показалось, что она качнулась.

«Моя жена дизайнер, – продолжил папа извиняющимся тоном, и с потолка на него сорвалась белая блямба, которую он снял со лба замазанной белым тряпкой. – Она, видите ли, считает, что нет предела совершенству, даже божественному... Впрочем, о чем я... вам плохо?»

Девушка и, вправду, оперлась о раскрытую дверь. Цвет ее лица немногим отличался от цвета потолочных белил. Она попыталась улыбнуться, это Лика отчетливо видела, однако ничего не получалось. Похоже, радость была уже не по силам незнакомке, так она измучилась. Но вдруг что-то затрепыхалось у нее за пазухой, пытаясь вырваться на свободу.

«Неужели у нее так сильно бьется сердце?» – удивилась про себя Лика и взгляделась в незнакомку.

«Я не верю, что я вас нашла, – сказала та очень тихо, почти шепотом. – Я счастлива, что отдам ее, наконец, вам, в ваши надежные и любящие руки.

Мелькнул красный кусочек ткани – и Лика поняла вдруг, ЧТО за пазухой у пришельницы!

«Диди!» – закричала она что было сил. Девочка вскочила с дивана, с трудом выбираясь из кучи хлорвинила, перемежаемого с диванными валиками с розами на обивке и рулонами с изображениями Эйфелевой башни и Бруклинского моста, и бросилась к своей любимице. – «Неужели мы потеряли ее при переезде, мама?»

Но то, что она увидела, назвать куклой было невозможно. Ее ручки и ножки смялись, а глазки и губки исчезли, словно кто-то пропустил ее через стиральную машину – что с китайскими куклами делать категорически воспрещается.

«Что с ней... что?! – спрашивали все. – Кто же тебя так, дорогая?»

«А ей не больно?» – пыталась маленькая хозяйка спасительницу куклы, от жалости прижимая ладошки к своим губам.

Сквозь опущенные ресницы нежданная гостья наблюдала, как ненаглядную Диди окружили заботой добрые люди... Наконец подобие улыбки мелькнуло на ее губах, и она сделала шаг назад... еще... и еще...

Взволнованные встречей с пропавшей, а теперь вновь обретенной, любимицей, никто из домочадцев не заметил исчезновения незнакомки...

«Подождите, подождите!»

Мама рассказывала потом, как бросилась ее догонять, чтобы выразить благодарность, и нагнала у самого выхода из дома, где девушка с большими синими глазами, прислонясь к стене, медленно сползала на цементный пол у парадной двери подъезда.

Наконец, она слегка приподняла длинные ресницы.

«Что с вами?» – спросила Ликина мама.

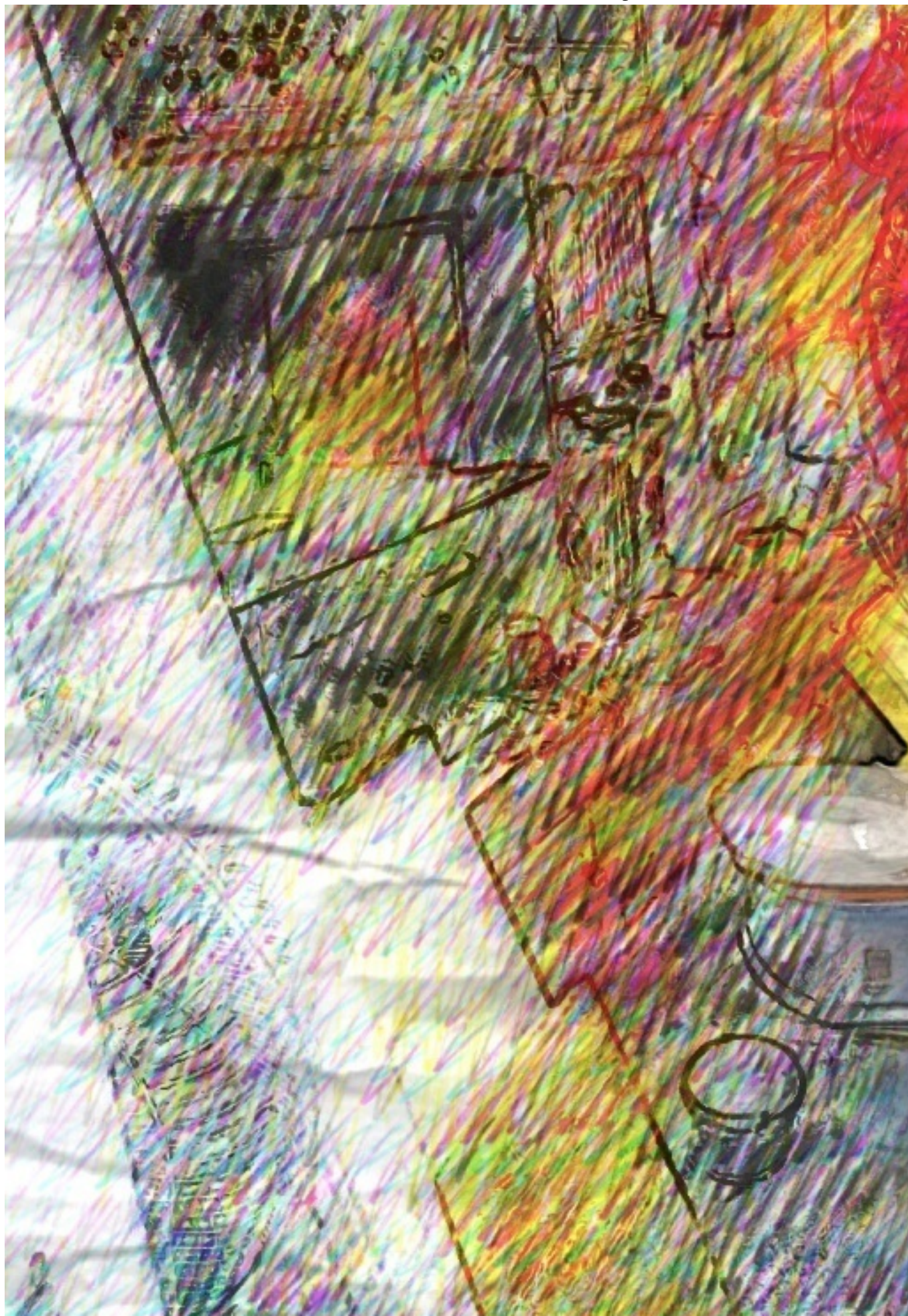
«Теперь все прекрасно... Я просто переволновалась...» – девушка через силу выпрямилась и улыбнулась.

Ликина мама пошарила в кармане фартука и осторожно надела на шею незнакомки бирюзовый кулончик с серебристой лилией на створке.

«Вот. Он из лазурита, очень-очень везучий. Вставьте в него свой портрет – и вам обязательно привалит огромное счастье. Спасибо вам».

«Как странно, – прошептала девушка, едва шевеля губами. – Но меня тоже зовут Лилией».

Запахнувшись поплотней от залетевшего в подъезд снопа
снежинок, она исчезла в вихрях метели...

Глава 1

2

Гуд бай май лав

Блуждая по улицам города, Лилия чувствовала, что проклятие каменного монстра уже простерло над ней свое зловещее покрывало. С каждым днем ей становилось хуже и хуже.

В тот миг, когда прелестное шестилетнее создание вспорхнуло с дивана, заложенного стройматериалами, чтобы выхватить из ее рук комочек в красной тряпице и прижать его к груди, Лилия почувствовала, как что-то отвалило от сердца – темное, тягучее, тяжелое.

Но тут же почувствовав себя хуже, как могла, спешно двинулась назад. Ноги не держали ее, нестерпимо хотелось прилечь – но, преодолевая слабость, она по стеночке спустилась с недлинной лестницы. Смутно она помнила, что ее нагнала и благодарила какая-то женщина в закапанном краской платке, похожая на Ликину маму, тусклым воспоминанием мелькнула хлопающая подъездная дверь...

Лиля упала, свесившись с решетчатой балюстрады моста.

Тут и нашли девушку блюстителю порядка и отвезли ее во вторую градскую больницу, куда собирали замерзших в дороге бедняжек.

Несколько дней и ночей больная металась в беспмятстве.

Перед внутренним взором вперемежку мельтешили разнообразные лица людей и морды зверей. Это был несовместимый со здоровым рассудком калейдоскоп.

Даже образ любимой Диди не спасал ее. Если девушка видела свою любимицу улыбающейся, то это не походило на правду, и девушка не могла прекратить мучительные поиски, а если лик куклы был грустным, то сердце названной матери сжималось невидимой рукой.

Однажды утром Лилия пришла в себя. И тут, словно по заказу, первые лучи весеннего солнца пробились сквозь пыльную бязь окон.

Девушка приподняла туманный взор и в свите заведования, ежедневно обходящего больных, увидела глаза, внимательно глядящие прямо в сердце. Она вздрогнула внутренне, и боль забившей в жилах крови прошла по всему телу.

Теперь эти глаза обладали необыкновенной силой в ее видениях, спокойно заслоняя и стирая ставшие привычными кошмары.

Она спрашивала себя: что реальней? Кошмарные видения или эти глаза? И не могла найти ответа. Оттого ее душевная болезнь только усилилась, и, чувствуя это, в отчаянной попытке спасти свою душу, она замыслила побег.

Она попробовала встать. Ноги с трудом, но послушались ее. Преодолевая слабость, она дошла до конца коридора. Там, отдохнув, опершись руками о серый ребристый подоконник, пошла в другой конец. Отлежалась и после обеда начала хождение снова.

От обеда она оставила немного свеклы и нанесла румяна на белоснежные щеки.

На следующем утреннем осмотре она натужно улыбалась и даже попыталась шутить. Тут впервые она ощутила на себе иной, отличный от первого, взгляд. Сощурился один глаз, Завотдела пристально разглядывал пациентку. Сквозь линзы очков открытый глаз казался рыбьим. Был беглым, скользким, неприятным.

«О, да ты уже выздоровела, милочка», – сказал заведующий именно те слова, которых ждала Лиля. «Павел, прошу вас приготовить карту для выписки пациентки», – обратился он к молодому врачу из своей свиты.

И тут Лиля снова увидела тревожащие ее, первые глаза, которые грустно улыбнулись.

Да, именно так грустно, как она и представляла.

Внезапно от двойного совпадения, ей стало так тошно, что судорога прошла по горлу. Задыхаясь, она резко встала и отошла к окну.

Там, с другой стороны стекла, на заснеженном карнизе сидела голубка с кистью рябины в клювике. Увидев девушку, она улетела.

На снегу остались лежать две красные ягоды. Лиля не могла отвести от них глаз и, как загипнотизированная, стояла, пока, словно из другого мира, к ней не донеслись шаги за спиной. Она протянула руки. Ей хотелось схватить эти ягоды, почувствовать на зубах их мерзлую округлость, наконец, прокусить их до мякоти... А главное, ощутить сок – кисловато-горький сок, в котором, казалось, заключалась целительная сила, так необходимая ей сейчас.

Руки наткнулись на стекло.

Санитар в зеленом халате накинул шубку ей на плечи, сунул в руки прозрачный пакет с пожитками.

«Гуд бай, май лав, гуд бай, наша встреча была ошибкой», – донеслось до сознания девушки – и она оказалась за воротами больницы...

Там, с другой стороны стекла, на заснеженном карнизе сидела голубка с веточкой прошлогодней рябины в клюве. Увидев девушку, она улетела.

Фолшебная страна

Переход

Глава 1

Ошибка богини Калипсо

– Каша готова! – объявила туземка, осторожно заглянув под «горячую» крышку. – Пора мыть ручки и садиться за стол, а то остынет.

Она принялась усаживать Диди за придуманный стол и снабжать ее всеми необходимыми для принятия пищи принадлежностями.

– Вот салфетка, моя дорогая. Вот нож. Вот вилка. Вот столовая ложка. А вот и чайная. Пожалуйста, не чавкай. И не говори во время еды, а то подавишься.

Виктор наблюдал, выставив подбородок, просчитывая все действия хитрюги. Всем своим видом та показывала, что ничуть не встревожена присутствием матроса Уилла на необитаемом острове, и никакого попугая в жизни не видела.

Но таковы суровые пиратские законы. И первый из них звучит так: **БОГИНЯ КАЛИПСО НЕ ОШИБАЕТСЯ**. Никогда.

Другими словами: мяч-поисковик попал в девчонку, значит, туземка знает, где попугай – и точка. Без филармоний.

– Скажи сначала, куда подевался Кешка? – строго спросил пират.

– Какой Кешка?.. – будто изумилась притворщица.

– Попугай с «Жемчуга», – сурово уточнил матрос Уилл.

Туземка поморгала серо-зелеными глазками и вдруг «выдала»:

– А давай – с земли! Давай пугать с земли, а не с жемчуга! Потому что жемчуг у мамы в шкатулке, а земля здесь. Вон сколько хочешь. А правила пусть будут такие: кто не испугался – тот выиграл.

Странная дикарка начертила прутиком кружок вокруг себя, встала руки по швам и сказала:

– Ну, начинаем. Говори: «вышка».

– Ну, вышка. Только скажи, где...

– Придешь домой – тебе крышка, – радостно выпалила дикарка.

– Чё?! – не понял Виктор.

От непробиваемой тупости туземки он запомнил, что пират, а не обычный мальчик.

– Ты победил – вот чего. Не испугался. Теперь твоя очередь пугать. Вставай на мой кружок. А я изо всех сил буду стараться не бояться. – И девочка застыла, надув щеки. Аж покраснела от натуги, и это было смешно.

Виктор прыснул со смеху. Так вот оно в чем дело: малышня всё не так поняла! Ведь «попугай» может означать и птицу, и действие. Есть такие слова-«обертыши» – он-то давно это знает. Ведь он почти второклассник.

– Да я не говорю тебе: «пугай», – говорил, хохоча, он. – Я говорю: «попугай». По-пу-гай! Птица такая, понимаешь? «Попугай» – это не «по-пугай», а наоборот... поняла?

Но «малышня» лишь лукаво щурилась: типа, мы-то, мол, всё понимаем— проблема с тобой.

Витя уже выходил из себя. Как объяснить этой простофиле, что он не просит попугать, а спрашивает о попугае?

«Да знает она все, хитрюга, только обманывает!» – решил он.

Тогда остается **ВТОРОЙ ПИРАТСКИЙ ЗАКОН**: того, кто не соблюдает **ПЕРВЫЙ ЗАКОН**, необходимо дернуть за хвостик, торчащий из-под кепки – и уйти в туман моряцкой походкой.

Матрос Уилл уже собирался исполнить второй закон – и протянул уже было руку...

Но Диди опять странно блеснула глазами, а странная туземка сказала:

– Меня зовут Лика. А тебя?

Девочка смотрела на него такими ясными, такими прозрачными глазами, что Витя почесал затылок и решил, что богиня Калипса тоже имеет право на промашку.

Может ошибаться, она, короче.

«Может... может... может...» — послышался шепот как наяву.

Матрос Уилл понурил голову.

Беспредельная грусть охватила сердце пирата. Все его предали: сначала Иннокентий, теперь богиня, которой он верил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.